

Терминатор из глубинки

Автор:

Виктор Степанычев

Терминатор из глубинки

Виктор Степанычев

Викинг #2

Спецу, «заточенному» для выполнения сверхсекретных операций в любой части света, вроде бы не по рангу опускаться до разборок с «домашней» шпаной. Но что делать Викингу – в миру Вадиму Веклемишеву – если под удар попала любимая женщина? Мало того – те же отморозки наехали на близких Викинга в родном городе на Волге. Тут уж профи, знающему восемь способов убить человека свернутой газетой, не удержаться. К его удивлению противники оказались гораздо опаснее, чем он думал. Да и связи у них на самом верху. Но вместе с друзьями, с которыми не раз глядел в глаза смерти, можно справиться. Но точку в этой схватке Викинг поставит сам. Такое никому не доверяют...

Виктор Степанычев

Терминатор из глубинки

ГЛАВА 1. На ясный огонь

Привязанную лодку плавно покачивало на невысоких волнах, лениво и бесшумно накатывающих на берег. Вадим лежал на нагретом потемневшем от времени настиле на носу гулянки – здоровенной деревянной лодки с пузатыми,

разваленными боками, и нежился под еще мягкими, совсем не жгущими, как будет через пару часов, лучами утреннего солнца. Сережка, вихрастый, дочерна загоревший десятилетний пацан, сынишка его троюродной сестры – тети Веры – запаздывал. Вадим пообещал сегодня взять его на рыбалку на остров Ушкуйный, который сам посещал каждый день.

В общем-то сама рыбалка его не очень интересовала. Он никогда не был заядлым рыбаком или охотником, не испытывал особого азарта, подсекая судака, и не трепетал от восхищения перед попавшим на крючок пятикилограммовым сазаном. Вадим относился к подобным занятиям как к баловству, приятному и необременительному времяпрепровождению. Его ежедневные походы на остров посередине Волги были необходимы для восстановления физической формы и, он надеялся, духа.

Полтора километра работая руками – мотор исчерпал свой век и испустил дух по крайней мере лет десять назад, борясь с волжским течением, вытягивая донельзя тяжеленную гулянку огромными веслами-бревнами, Вадим вгонял себя в хорошую испарину. Выступивший на лбу и щеках пот стягивался в капли, которые, не удержавшись, холодя на миг кожу, скатывались щекочущими струйками на подбородок, а с него падали на голые загорелые колени.

Добравшись до острова, он разворачивал снасти. Насадив на крючки заготовленных с вечера червей, забрасывал в воду донки и приступал к основному действию, ради которого и было затеяно это путешествие. Сначала Вадим разогревался кроссом, бегая вокруг острова по рыхлому песчаному берегу, накручивая, в зависимости от настроения, километров пятнадцать-двадцать.

Останавливаясь на очередном витке, он для порядка проверял, не попалась ли какая-нибудь дурная рыбешка на крючок, и гнал дальше. После пробежки Вадим уходил с берега в глубину острова на облюбованную травянистую полянку и минимум три-четыре часа посвящал боевой тренировке.

Легкие дыхательные и разминочные упражнения скоро сменялись более серьезными комплексами на растяжку и концентрацию. Минут через сорок тело входило в т е м п. Вадим, меняя скорость и стили, работал почти автоматически, отстраняя сознание. Мышцы сокращались на алгоритме памяти, записанном в клетках прежними тренировками, одновременно выдавливая из себя остатки боли и немощи. В заключительной части – бой с противником-фантомом, с тенью;

а уже совсем на десерт – со старым морщинистым великаном осокорем.

Все это должно было вернуть Вадима к прежнему состоянию физического и душевного равновесия. Должно было...

Подобная изнурительная работа, а по-другому такие занятия назвать было трудно, восстанавливала утерянную после ранения форму. Четыре пули, которые всадил в него Паша Панфилов, уложили Вадима на месяц в больничную койку. Хотя он и храбрился перед собой и лечащим доктором, организм ослаб очень сильно. После госпиталя его направили в Железноводск, в санаторий, но Вадим там продержался шесть дней и сбежал – не выдержал лениво-размеренного распорядка дня.

Но главной причиной побега с вод были все же не скука и безделье, а тянущие душу воспоминания о произошедшем. Свободного от лечения и процедур времени оставалось более чем достаточно, и Вадим вновь и вновь обращался мыслями к недавним событиям, к предательству тех, кого он считал самыми близкими на свете людьми. Никогда раньше, даже когда терял родных и друзей, он не испытывал такого острого чувства горя, слабости, а еще больше – унижения.

Возвратившись в Москву, Вадим явился к Деду. Олег Петрович встретил его наигранно-весело, но скоро и сам сник. Он не менее остро, чем питомец, переживал случившееся. Беседа получилась тяжелой и бестолковой. Оба, словно стесняясь друг друга, отводили глаза и говорили обтекаемые ватные слова, боясь неосторожно поранить собеседника. Первым не выдержал Дед. Сообщив о планах руководства перевести Вадима на вышестоящую должность – его заместителем по боевой подготовке и услышав в ответ несвязное унылое бормотание о здоровье и сомнительной целесообразности этого шага, Олег Петрович возмутился и, по обыкновению, сорвался на крик.

После перечисления длинного ряда отрицательных черт сидящего перед ним с опущенными плечами Вадима, где самым лестным было звание сосунка, Дед попытался отместить его робкие возражения. Он представил вполне рассудительные доводы о положительных качествах того же субъекта и заслуженном росте по служебной лестнице. Это была роковая ошибка Олега Петровича. Если отборную ругань в свой адрес Вадим перенес вполне стойко, пропустив мимо ушей, то добрые слова неизвестно отчего возмутили его до глубины души.

Он сорвался и в ответ проорал Деду, что не желает, чтобы им манипулировали, как марионеткой, что он в гробу с глазетом и кистями видел все повышения, близкое и далекое начальство, Отдел и непосредственно самого многоуважаемого Олега Петровича.

Дед, на короткий миг оторопев от наглости и неприкрытого хамства подчиненного, яростно и трубно, как олень на гоне, взревел. Угрожающе нависая над столом, он выплеснул на горячую каменку правду-матку, что бездарные щенки, не имея за душой ни гроша, ни доброго имени и представляя из себя совершенно пустое место, слишком много о себе мнят. В ответ окончательно разъяренный Вадим нахально выдернул из стопки бумаги перед носом начальника чистый листок с целью немедленного написания рапорта на предмет увольнения из «рядов». На такой опрометчивый порыв питомца Олег Петрович отреагировал многообещающими словами Тараса Бульбы «Я тебя породил...» и решительно полез в сейф. Основательно покопавшись в его захламленных недрах, он со злодейским оскалом вытянул из дальнего угла запылившийся наградной браунинг с потускневшей никелированной табличкой. Передернув затвор, Дед стал трясти им перед носом Вадима, грозно рыча при этом и выкатывая глаза.

Обстановку разрядила Галина – секретарь Олега Петровича. Появившись на пороге кабинета, стройная, изящная, она оглядела поле битвы и, очаровательно улыбнувшись, спросила:

– Вам кофе сейчас подавать или чуть позже?

Дед в ярости широко разинул рот и набрал в легкие воздух, собираясь рывкнуть на секретаршу, но почему-то раздумал и не стал этого делать. Он несколько неуклюже повертел пистолет в руках, потом внимательно вчитался в дарственную надпись на пластинке, поморщился и бросил его назад в сейф. Устало махнув рукой, не поднимая глаз, Дед мрачно буркнул Полине:

– Неси сейчас.

Олег Петрович опустил в кресло. Он как-то непривычно, совсем постариковски, ссутулился, устало потер пальцами виски и исподлобья посмотрел на Вадима.

– Ты чего на меня орешь? – уже совсем спокойно спросил Дед. – Какой-никакой, а я все же генерал. И в отцы тебе гожусь по всем параметрам. А точнее – даже в деда. И мне кажется, сейчас самое время для порядка и воспитания, чтобы дурь из головы выбить, пройтись вожжами по твоей спине.

Вадим ничего не ответил. Он сидел, молча глядя в пол. Ему было немного стыдно за этот срыв, но неожиданно для себя Вадим вдруг ощутил некоторое облегчение, спокойствие, какого у него не было со времени посещения его Стариковым и Дедом в больнице. С того ужасного момента истины, когда он окунулся в вязкую трясику предательства близких ему людей.

Тиски, сжимающие сердце, неожиданно ослабли, и Вадим с содроганием понял, что еще мгновение – и на его глаза навернутся слезы. Отвернувшись, с трудом сглотнув комок, заклинивший горло, он справился с секундным замешательством и провел ладонью по сухим векам и щекам.

– Думаешь, одному тебе тяжело? – не заметив, или не захотев заметить накатившей на питомца слабости, спросил Дед. – Думаешь, я был готов к предательству Осколова? Мне, может, сейчас тяжелее, чем тебе – молодому. Я его еще с пацанов, с лейтенантов сопливых помню. И мысли никогда не приходило, что от этого человека можно ожидать такой подлости. А рапортами не швыряйся, никуда я тебя не отпускаю. Ишь, завели моду – как что не так, сразу бумажку на стол.

Олег Петрович исподлобья оглядел Вадима и, сердито сжав губы, отвернулся.

– Я тоже рапорт писал, – несколько смущенно признался он. – Не отпустили. А мне годков уже... Обстановка, сказали, слишком серьезная. Как показалось, толковая молодежь пришла к руководству. Вон одного обкатали, куда взлетел-то!

– Извините меня, Олег Петрович, сорвался не по делу, – виновато сказал Вадим.

– За извинения спасибо тебе, а срыв именно по делу был. Накопилось в душе, а выплеснуть некуда. Вот я и подвернулся. Все нормально, не переживай и не забивай себе голову.

Дверь после короткого стука открылась, и Галина внесла в кабинет поднос с двумя чашками кофе.

– Спасибо, красна девица, за угощение, – ласково сказал Олег Петрович. – Спина лучше стала после Касьяна?

– Немного получше, – сказала женщина, и едва заметная тень неудовольствия пробежала по ее лицу. – Но он же в основном по естественным дефектам работает, а у меня, вы сами знаете... Вам больше ничего не надо – печенья, конфет?

– Спасибо, Галя, кофе достаточно, – поблагодарил ее Олег Петрович.

Когда дверь за секретарем закрылась, он глубоко вздохнул.

– Вот и ей несладко. Классным специалистом была, пока пуля в позвоночнике не застряла. Боли испытывает страшные, а виду не показывает. И муж, сволочь, бросил в самое тяжелое время, когда она на больничной койке парализованная лежала. После трех операций чудом на ноги поставили. Еле смогли ее к Касьяну на лечение протолкнуть. У него в Кобеляках очередь на три года вперед расписана. Кстати! – оживился Олег Петрович и хитро посмотрел на Вадима. – Тут наши спецы по режиму неделю назад, когда ты в Железноводске «Славяновскую» попивал, всполошились. Передали, что тобой интересуются со стороны. Правда, быстро разобрались в утечке информации. Установили, что ЦРУ с Моссадом здесь не пахнет, и немного успокоились.

Дед водрузил на нос очки, достал из папки листок бумаги и торжественно сообщил:

– А интересовалась тобой некая Надежда Алексеевна Ломейко. Что-то мне кажется, будто я с этой дамой не так давно встречался в одной далекой экзотической стране.

Он довольно посмотрел на Вадима поверх очков, однако не обнаружив у собеседника радостного оживления и интереса к прочитанной информации, еще раз безрадостно вздохнул.

– И думаю я, Вадим, надо тебе малость расслабиться. Дурные идеи об уходе из отдела из головы выбрось, и вообще все серьезные мысли оставь на будущее. В отпуске ты не был, если не ошибаюсь, три с половиной года, устал, вот и отдохни месячишко. А к тому времени, а меня предчувствия не обманывают, работы у нас будет выше крыши, причем по последней теме, откуда тебя сорвали в Сьерра-Марино. Вернешься, тогда и поговорим, обсудим все. Путевки в санатории не предлагаю, уже наотдыхался, да и граница тебе обрыдла, наверное, хуже горькой редьки. Советую тебе съездить на родину во Всеволжск. Давненько там не был?

– Лет, наверное, семь, не меньше, – неуверенно сказал Вадим. – И то проездом на денек заскакивал к брату деда.

– Вот и навести. Хоть близких родственников нет, зато дальние имеются. Им будет приятно, что не забыл, а там, глядишь, и ты сердцем обмякнешь. Иногда полезно возвращаться в детство. Как будто к теплу, к пламени очага приближаешься. Это как в песне: «На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь...» Послушайся старого человека, поезжай.

Совет Олега Петровича показался дельным. Вадим за день быстро оформил документы, получил отпускные, собрал сумку с вещами и уже вечером на поезде отчалил из Первопрестольной. В какой-то момент мелькнуло довольно сильное желание найти Надежду, но он не решился на это. Вадим не был готов к встрече. Она являлась свидетелем и участником событий, которые потрясли его душу и сознание. Как бы желанна ни была Надежда, видеть ее сейчас он не имел права. Вадим, не сознавая того, боялся, что горечь, терзающая его душу, поставит между ними непреодолимое препятствие, оттолкнет друг от друга...

Соседи по купе попались спокойные. Двое мужчин средних лет, оба чем-то расстроены – явно командировочные, и пожилая, интеллигентного вида дама, возвращающаяся от детей из Москвы. Мужчины сразу после отъезда отправились в ресторан, но долго там не задержались, а по возвращении улеглись спать. Соседка по купе также, попив чаю, прилегла.

Вадим по примеру соседей прогулялся в ресторан, но не ужинал, а лишь выпил рюмку коньяку и чашку крепкого кофе.

По дороге назад он остановился в тамбуре, чтобы покурить. Состав летел в темноту и неизвестность, гулко постукивая колесами на стыках. Появлялись и уплывали во мглу огни близких и далеких деревенок, коротким штрихом пролетали переезды, а внизу по откосу бежал гуськом мутный отраженный свет вагонных окошек. Выкурив одну сигарету, Вадим достал и прикурил другую. Ему не хотелось ни о чем думать. Было лишь одно желание: раздвигая зелеными бортами железного ковчега теплую июльскую ночь, плыть и плыть к неведомой суше, паря между небом и землей. Голова чуть кружилась от коньяка; теплота и легкость, накатывая, разливались по телу и расслабляли.

«Надо все же было позвонить Надежде, – мелькнула мысль и тут же погасла. – Нет, не надо...»

Родной город, несмотря на раннее утро, встретил Вадима пылью, жарой и толпой частных таксистов. На привокзальной площади он сел в маршрутку и через сорок минут уже открывал калитку во двор дома дяди Ивана. На скрип проржавевших петель из-за сарая вылетел вихрастый мальчишка, резко остановился и внимательно оглядел незнакомого гостя.

– Здравствуйте! Вам кого нужно? – с некоторой опаской в голосе спросил он.

– Тебя, Сережа, дедушку Ивана, бабушку Лену, маму твою, – с улыбкой перечислил родственников Вадим.

– Мама в магазине, дедушка на берегу с лодкой возится, бабушка помидоры в огороде собирает, – четко отрапортовал парнишка и, повернув голову, звонко закричал: – Бабуля, иди скорей сюда!

Потом еще раз, подозрительно прищурившись, осмотрел гостя и неожиданно спросил:

– Вы пришли выселять нас?

– Вообще-то нет. – растерялся Вадим. – Я в гости к вам приехал.

– Вот я и смотрю, что на бандита вы не очень похожи, – рассудительно сказал парнишка.

– Надеюсь, что непохож, – засмеялся Вадим. – А что, они заходят к вам?

– Бывает... – степенно ответил Сережа.

Из-за дома с корзиной, полной спелых помидоров, вышла тетя Лена и, близоруко прищурив глаза, встревоженно взгляделась в гостя.

– Добрый день! Вы кого-то ищете? – неуверенно спросила она. Поставив корзину на землю, тетя еще раз всмотрелась в его лицо и радостно всплеснула руками. – Господи! Вадик, это ты? Вот кого не ждали, не гадали увидеть. Родной ты мой, дай я тебя обниму. Сережка, беги быстрее за дедушкой, зови его домой. Скажи: дядя Вадим приехал.

Тетя Лена обняла племянника и прижалась к нему сухоньким телом. Вадим мягко погладил ее плечи и почувствовал, как они начали мелко подрагивать.

– Тетя Лена, что случилось? – отстранился он и взглянул на тетушку.

Та, отвернувшись, кончиками ситцевого платка стала утирать навернувшиеся на глаза слезы.

– Ничего, Вадим, это я так, от радости. Просто давно не виделись. Спасибо, что не забыл, приехал. Что же мы стоим у калитки, проходи в дом.

Подхватив сумку, Вадим пошел к крыльцу вслед за тетей. За семь лет, что они не встречались, внешне она почти не изменилась, только походка стала потяжелее и в движениях чувствовалась усталость. Его соседка, Галина Андреевна, однажды в беседе пожаловалась на возраст. Вадим попытался ее успокоить, сообщив, что она прекрасно выглядит, но женщина с горечью сказала то, что надолго запомнилось ему:

– Старость часто не отражается на внешности. Она просто забирает силы. Человек может выглядеть одинаково и в шестьдесят, и в семьдесят лет, но однажды просыпается утром и чувствует, что еще не шагнул шага и ничего не сделав, уже устал. Вот это и есть старость.

Дом внутри почти не изменился. Вышитые руками тети Лены занавески и салфетки Вадим помнил с далекого детства. Резная мебель, собранная руками дяди Ивана, со временем стала выглядеть даже стильно. Поставь такую в антикварный магазин – на ура уйдет. Прибавилось фотографий над горкой – в основном Сережкиных. А это кто? Господи, да это же Вера, его сестра. А если точнее – двоюродная или троюродная тетя, хотя она и моложе его на пару лет. Дядя Иван же младший брат деда. И раньше девчонкой симпатичной была, а сейчас Веруська совсем красавицей стала. Когда он ее последний раз видел?

Наверное, лет одиннадцать назад, не меньше – Сережки еще не было, она в невестах ходила. А в последний его приезд они разминулись. Вот только семейная жизнь у Веры не сложилась. История, по российским понятиям, обыкновенная – запил крепко мужик, потому и расстались.

Тетя Лена хлопотала, накрывая стол, чтобы накормить гостя с дороги, несмотря на клятвенные уверения, что он уже позавтракал в поезде и сыт.

– Не знаю, как ты там завтракал, а у меня племянник голодным сидеть не будет. Вон какой худющий – не мужик, а чистое весло, – строго сказала тетушка, кроша картошку в кипящее на полуведерной сковородке масло. – Что бы мне твои дед, бабушка и мать сказали, царство им небесное? Что я их кровинушку плохо встречаю?

Тетя Лена всхлипнула, отвернулась и снова стала утирать слезы платком.

– Извини, Вадик. Чем старше становлюсь, тем больше слез лью. Вот сейчас вспомнила их и сдержаться никак не могу.

Вадим подошел, обнял и прижал к себе женщину, от чего она еще сильнее захлюпала носом. Со двора слышался скрип калитки, шаги на крыльце, и в дом сначала залетел Сережка, а за ним степенно зашел дядя Иван. Остановившись на пороге, он внимательно, даже строго, осмотрел Вадима с головы до пят и, похоже, остался доволен.

– Хоть и чернявый, а все равно наш, Веклемишев. Ну иди, племянничек, обнимемся.

После объятий и поцелуев дядя Иван отстранил Вадима от себя и провел рукой по его волосам.

– Молод еще, а седина уже пробивается. Видать, несладко приходилось? – строго глядя племяннику в глаза, спросил он.

– Да уж, по-всякому бывало. Когда сладко, а когда и горько, – уклончиво ответил Вадим.

– Ладно, захочешь, расскажешь, а нет, так не обидимся. Понимаем, служба есть служба. А звание-то у тебя какое?

– До подполковника пока дослужился.

– Молодец, однако. И «пока» – это тоже правильно. Значит, до генерала дорастешь.

– Вот уж не знаю... – иронично протянул Вадим. – Как-то не задумывался над этим.

– Ну и хорошо. Служи по совести, тогда и в высокие звания выйдешь. А ты, мать, что там сготовила для дорогого гостя? Все на стол мечи, – обратился дядя Иван к хозяйке.

– Быстрый какой! – ворчливо ответила тетя Лена. – У меня-то все в срок будет сварено-сжарено. А ты сам чем племянника угощать будешь?

– За мной не заржавеет, – важно сказал дядя Иван. – Запас в погребце имеется! Пойду-ка я пока баню затоплю. Давно, племяш, в русской баньке не парился?

– Давно, дядя Ваня, уж и не помню, когда, – покаялся Вадим.

– Вот и плохо! Баня да веник дурь и хворь мигом вышибают. Ничего, попарим тебя всласть. Надолго к нам приехал?

– Отпуск на месяц. Коли не прогоните, недельку-другую у вас побуду.

– Да уж не прогоним, не волнуйся. Такому гостю мы всегда рады. Живи сколько хочешь.

Сережка, с интересом наблюдающий за сценой встречи, метнулся на звук открывающейся калитки к окошку и закричал:

– Мама пришла! Мама пришла!

– Вот и дочка явилась, – сказала тетя Лена.

– А что, она не на работе? – спросил Вадим.

– Да какая работа? Сегодня же воскресенье, выходной. В магазин за продуктами ходила.

– А я что-то счет дням потерял, – улыбнулся Вадим.

– Ну и слава богу, у тебя сейчас каждый день должен быть воскресным. Отдыхай, набирайся сил, – рассудительно сказал дядя Иван.

Сережка кинулся навстречу матери и повис на ней.

– Мама, мама, а к нам гость приехал.

Вера с удивлением посмотрела на стоящего посреди комнаты улыбающегося Вадима, нахмурила брови, вспоминая, кто же это, а потом совсем как мать всплеснула руками и бросилась к нему на шею.

– Вадим, какими судьбами?

– Да вот приехал погостить к вам, – обнимая и целуя Веру, сообщил он.

– Какой же ты молодец, что не забыл нас. Я только недавно вспоминала, глядя на Сережу, как такого же мальчика на лето к нам на отдых привозили. Последний раз я тебя видела молодым парнем, а сейчас мужчина солидный, прямо загляденье.

– Да какое там загляденье. Это ты у нас красавица. А мужику вполне достаточно товарный вид иметь чуть получше обезьяны, – засмеялся Вадим.

– А вот это ты, братик, перегнул. Если бы все мужики были такими обезьянами, бабы с верхушек деревьев не слезили бы. А чего один приехал? Жена где, дети?

– Так нет никого, – развел руками Вадим. – Не получилось как-то семьей обзавестись. Сначала было рано, потом некогда.

– Вот так, да? – осуждающе покачала головой Вера. – Такие мужики без дела и присмотра маются. Ну ничего, найдем тебе невесту.

– Вот только этого не надо. Я еще молодой, неразумный, к семейной жизни не расположенный, – с наигранным испугом начал отмахиваться Вадим.

– Пока неразумный и надо жениться. Когда мужик в ум входит, слишком гордым и разборчивым становится, в стойло пинками не загонишь, – сказала Вера, улыбнулась и, хитро сощурившись, спросила: – Но для души кто-то имеется?

– Давай не будем затрагивать эту тему, – посерьезнел Вадим. Последний вопрос Веры заставил его опять вспомнить о Надежде, о том, что она его искала. Чувство неловкости, может, и стыда, отозвалось в нем горечью.

– Ладно, оставим пока этот бестолковый разговор, – сказала Вера, заметив тень недовольства на его лице. – А невесту все равно искать надо будет. Такой товар плесенью покрывается!

– Верка, хватит болтать, лучше матери помоги, – строго сказал дядя Иван, входя в дом со двора. В руках он держал запыленную бутылку с незнакомой Вадиму зеленой этикеткой.

– Видели, что я откопал для дорогого гостя? – с гордостью сообщил он.

– А что это такое? – Вадим подозрительно оглядел сосуд.

– Это, можно сказать, раритет, – назидательно поднял палец дядя Иван. – Называется по-простонародному «Андроповка». Когда Андропов стал генсеком,

такую водку наладили на благо трудящихся выпускать – дешевую и качественную. Сейчас-то картинок красивых наклеят, а внутри – бурда-бурдой, спирт гольный. А это продукт высшей категории, не «сучок» какой-нибудь. Я ее еще в те годы по талону получил, пробку сургучом залил, чтобы не выдыхалась, – и в погребец до лучших времен.

– А может, не будем? – поморщился Вадим. – Я в общем-то не любитель.

– А кто любитель? Я, что ли? – обиделся дядя Иван. – Простояла бы она без дела двадцать лет. А по рюмочке, да после баньки, извини, положено.

– Ну, раз по рюмке, да с легким паром, и холодненькой, то можно и пропустить, – со вздохом согласился Вадим. – Ты, дядя Ваня, и мертвого уговоришь на счет «раз».

И была баня, и было застолье, и были долгие разговоры и воспоминания. Племянник с дядей, преодолев психологический барьер, дернули не по одной, а по три добрые стопочки легендарной «Андроповки». Так день и прошел – в добрых хлопотах.

ГЛАВА 2. Шел по пустыне верблюд

Сверху с откоса слышался частый легкий топот сандалий. Вадим поднял голову и увидел Сережку, быстро сбегающего по тропинке к Волге. Сев на носу лодки и свесив ноги в теплую воду, Вадим грозно нахмурил брови:

– Почему опаздываем, молодой человек? На сборы было отпущено пятнадцать минут, а прошло почти полчаса, – сурово поинтересовался Вадим. – Как это прикажете понимать? Дисциплинка, солдат, хромает!

– Бабушка собирала... не пускала... – запыхавшись от бега, выпалил Сережа и виновато опустил голову.

– А почему не пускала?

– Пирожки в печке никак не доходили. Она сказала, что без пирожков, чтобы голодными на острове сидели, нас никуда непустит.

– Пирожки, говоришь? Тогда ладно, – смирившись Вадим. – Раз бабушка задержала наше отплытие, ничего не поделаешь – бабушку надо слушаться. С чем пирожки-то?

– С капустой и яблоками, – доложил разом повеселевший мальчик.

– Люблю с капустой... и с яблоками тоже, – мечтательно протянул Вадим, но вспомнив про дело, громко дал команду: – По местам стоять, с якоря сниматься!

Подсадив мальчика в лодку, он оттолкнул ее от берега и, запрыгнув на борт, уселся за весла. Развернув гулянку, Вадим заметил направление на остров, выбрав ориентир на берегу – высоченный тополь на откосе, и начал грести. Серьезный Сережа гордо сидел на корме, цепко сжимая правило руля. Еще с вечера была крепкая договоренность с дядей, что это ответственное дело будет поручено ему.

Наваливаясь и вытягивая длинные весла-бревна, Вадим толчками гнал лодку от берега, панорамно раздвигающегося перед глазами с каждым новым гребком. Была суббота, и, несмотря на раннее утро, по пляжу, тянущемуся вдоль всего поселка, уже расползались на воздушно-водный моцион отдыхающие, выбравшиеся из июльского городского пекла на выходные к реке. К полудню там будет уже не пройти, не протолкнуться.

– Капитан, как держим курс? Еще не сбились? – окликнул Вадим зорко смотрящего вдаль Сережу.

– Все в порядке, курс точно на остров, – доложил мальчик.

– Держи чуть выше, иначе на коренной течение снесет, – дал совет «капитану» Вадим.

– Есть! – коротко откликнулся Сережа и чуть потянул на себя руль.

За неделю отпуска мальчик привязался к Вадиму и не отходил от дяди ни на шаг. Хотя какой дядя – по всем канонам в семейной иерархии фамилии Веклемишевых именно Сережка, а не его мать Вера, в единственном числе стоял на ступеньке троюродных братьев-сестер Вадима.

Лишенный отцовской ласки, Сережа видел в Вадиме и защитника, и опору, и пример для подражания. У кого из его друзей имелся дядя военный? А как он отшил этих страшных и наглых бандитов, которые хотят выгнать их из дома?

Наивный и не совсем понятный вопрос Сережи в первые минуты встречи, не пришел ли Вадим выселять семью дяди Ивана, удивил его, но потом в обычной суете давно не видевшихся родных, расспросов, воспоминаний как-то забылся. Только дня через два Вадим вспомнил странную фразу Сережи и задал вопрос дяде Ивану. Тот потемнел лицом и сначала не хотел ничего говорить, но Вадим, почуяв неладное, все же сумел вытянуть из дядюшки, что некто неизвестный, но сильный мира сего, зело желает приобрести его нехитрую деревянную недвижимость.

Оказалось, что бывший затрапезный рабочий поселок стал весьма привлекательным местом для состоятельных людей. И район оказался экологически чистым, и река рядом, и роза ветров благоприятная в любое время года, и стоит вдали от «шума городского», хотя и находится в черте города. От граждан с тугими лопатниками, желающими возвести здесь особняки, отбоя не стало.

Но если раньше просто спрашивали, уговаривали, предлагая продать дом, сегодня ситуация изменилась. То, о чем поведал дядя Иван, Вадим, даже по его скупому рассказу, определил как наезд на уровне беспредела. Оказалось, что дядюшке был поставлен жесткий ультиматум в течение месяца дать согласие на продажу, иначе для его семьи предполагались неприятные последствия. Какие именно, не уточнялось, но воображение могло нарисовать их без особого труда. Дядя рассказал, что подобные события в поселке уже имели место. И неизвестные хулиганы головы пробивали неуступчивым домовладельцам, и пожары случались. А когда погорельцы, не имея возможности построить новый дом, продавали за бесценок землю, на пепелище быстренько вырастали новорусские дворцы.

Кто именно приезжал с подобным предложением, дядя Иван не сообщил, так как сам толком не знал, от кого приходили эти люди, однако Вадиму удалось-таки

вытянуть, что до окончания месячного срока ультиматума осталось две недели. Уточнив эту деталь, он не то чтобы успокоился, а фатально рассудил, что и эту проблему придется решать ему. Дядя хоть и хорохорился: «И на них управа найдется», однако же настроение имел препоганейшее и вид тусклый. Вадим не стал бить себя кулаком в грудь и давать клятв и обещаний, а просто сказал:

– Не переживай, дядя Иван! Дождемся гостей и как-нибудь этот вопросотрегулируем. Постараемся!

А не далее как три дня назад, ближе к вечеру, около их калитки остановился изумрудного цвета рахитично-пузатенький трехдверный джипик «Тойота», что из серии «пляжных». Из динамиков в салоне слезно орал Михаил Круг:

«А уж если сесть, так чтоб сиделось всласть.

И чтоб мама ждала, да и дождалась...»

Музон разносился как минимум на два квартала, вводя в истерику всех окрестных собак.

Вадим в это время возился в огороде, помогая тете Лене собирать огурцы. Услышав непривычный в этих местах шум, так и вышел из-за дома с корзиной в руках, в сланцах на босу ногу и вылинявшей майке. Сквозь «звуки му» он с трудом разобрал обрывки фраз из разговора, к началу которого припоздал. Вадим понял, что прибыли те самые гости – «риэлторы», сильно интересующиеся операциями с дядиной недвижимостью.

Собственно, с дядей Иваном разговаривал один из гостей, представляющий из себя классический тип «братка»: выпукло-накачанный, бритоголовый, с массивной золотой цепью, выпущенной поверх черной, несмотря на изнуряющую жару, рубахи, с соответствующей жестикуляцией развернутыми веером толстыми пальчиками. Подобных ортодоксальных субъектов, привычных глазу в начале девяностых, Вадим уже давненько не встречал. В столицах они вроде бы и сошли на нет, а может, просто приняли более благопристойный вид, а вот в провинции, похоже, такие динозавры еще водились.

Второй, среднего роста, жилистый, лет – ближе к тридцати, с обычной стрижкой, в шортах и светлой майке, не был обременен золотом и не производил

соответствующих моменту крутых жестов. Он стоял, небрежно облокотившись на крыло «Тойоты», с едва заметной усмешкой на губах. Если «ортодокс», нависая над дядей Иваном, не обратил никакого внимания на появившегося из-за угла Вадима, продолжая угрожающе цедить из себя слова, второй цепко ухватил его взглядом и настороженно проводил глазами до открытой калитки, где и проходила беседа.

Вадим остановился в паре шагов за спиной дяди и внимательно вслушался в его перепалку с бритоголовым.

– Мужик, ты че, в натуре, совсем ничего не понимаешь? К тебе же по-доброму, по понятиям относятся, а ты в отказ встаешь. Предлагают хорошие бабки за твою халупу...

– Не нужны мне ваши деньги. Это мой дом, и продавать его я не собираюсь. И не надо угрожать мне. Я в милицию на вас... – от волнения сорвался на сип голос дяди Ивана.

– Какие проблемы, ребята? Может, я чем помогу? – вмешался в разговор Вадим.

Дядя Иван, не зная, что он стоит за спиной, резко, с испугом, обернулся. Вадим разглядел его побледневшее лицо и подрагивающий подбородок. Видать, непривычны такие разборки дядюшке. Парень же, наоборот, в соответствии с правилами «хорошего тона» братвы, нарочито медленно поднял глаза на неожиданного собеседника. Похоже, Вадим на него должного впечатления не произвел. Браток презрительно сплюнул под ноги дяде Ивану и, отклячив губу, процедил сквозь зубы:

– Это что за явление Христа массам трудящихся? Ты, чижик недоделанный, с какой ветки спрыгнул? Не шел бы отсюда к хренам собачьим?

– А куда идти – живу я здесь. Вот огурцы собираю. Об чем сыр-бор в благородном семействе? – в момент нарисовав на лице простодушие и искренний интерес, приветливо спросил Вадим.

– Не твоего мозжечка дело, что мы тут перетираем. Хиляй отсюда крупным хилем, мужик, коси урожай, пока я добрый, а то будешь оставшуюся жизнь под инвалида косить. У меня с хозяином разговор-беседа. Ты все понял, придурок? –

угрожающе произнес «ортодокс».

– Не-а, не понял, – дурашливо улыбаясь, сказал Вадим и тут же поменял тон, подстраиваясь под речь собеседника. – Какая халупа, в натуре, какая такая торговля, пацаны? Здесь есть кому хозяиновать. И за мужика, опять же, обидно базаришь.

– А ты что, из блатных – на мужика так вскинулся? Недавно от хозяина откинулся? Кто такой? Чего надо? – начал не на шутку заводиться парень.

– Не твоего щенячьего ума интерес. Я с шестерками дел не имею. Со старшим говорить буду – с тобой нет. Кто у вас бугор? – жестко отчеканил Вадим, не отрывая взгляда от наливающегося кровью лица парня.

Он специально выводил из себя братка, чтобы получить хоть какую-то информацию о лицах, интересующихся домом. Номер джипа уже зафиксировался в памяти, теперь была нужна зацепка в виде имени или клички.

– Ты кого, козел, здесь за шестерку держишь? – свирепо выдохнул из себя парень и, сжимая кулаки, двинулся к Вадиму. – Я тебя сейчас в грязь смешаю, падла!

Дядя Иван, попытавшийся героически заслонить собою створ калитки, от небрежного движения его руки ласточкой упорхнул в кусты смородины, растущей вдоль забора. Вадим переступил ногами, принимая более удобную стойку для встречи мальчика-«бульдозера», как он уже окрестил братка. Корзина с огурцами была лишней, но он не стал выпускать ее из рук – все же надеялся на мирный исход встречи.

Боковым зрением Вадим уловил быстрое и легкое перемещение второго гостя от машины к месту динамично разворачивающихся предбоевых действий. Неширокая ладонь, на первый взгляд мягко упавшая на предплечье разъяренного товарища, удивительно, но остановила неудержимый ход «бульдозера». Тот попытался сбросить руку, однако это не удалось.

– Не суетись, Макс, – негромко сказал второй гость.

– Отвали, Алик, я сейчас урою этого козла, – прошипел разгневанный браток.

– Не суетись, – спокойно и твердо повторил Алик. – Камил не давал команды на мочилову. Он будет недоволен.

«Бульдозер» досадливо дернул плечами и попытался шагнуть вперед, но, похоже, слова товарища несколько остудили его бойцовский пыл. Он еще несколько секунд посверлил глазами спокойное лицо Вадима и шумно выдохнул из себя воздух.

– Считай, фраер, тебе сегодня крупно повезло, – прорычал он. – Но не расслабляйся, мы еще встретимся, сердце мне вещует. Тогда, считай, ты труп.

– Да никаких проблем, – дружелюбно, почти ласково ответил Вадим. – Пути-дорожки – они часто сходятся. А с такими достойными и интеллигентными людьми всегда приятно общаться. Жду не дождусь нашей встречи, милый.

– А за интеллигента ответишь отдельно, – сурово пообещал Макс и опять попытался шагнуть к Вадиму.

– Пошли, пошли, – потянул его Алик. – Мы свое дело сделали.

– В общем, дед, ты понял, что тебе сказали? – повернулся Макс в смородину к дяде Ивану. – Часики тикают, срок, что тебе поставили, скоро выйдет. Если башка на плечах есть, скажешь правильные слова. Ну, а если не скажешь... А этого козла, – он ткнул пальцем в сторону Вадима, – я все равно урою!

После уезда гостей, успокоив дядю, – тетя Лена, слава богу, была туговата на ухо и не вышла на шум из огорода – Вадим поинтересовался, не знает ли он, кто такой Камил, о котором было упомянуто в разговоре. Оказывается, с недавних пор обитал в поселке на противоположном конце в свежестроенном доме-дворце некто с таким именем. И дядя встречал его, когда тот садился в машину, изволив посетить местный магазин, но на тонкий вопрос не кавказско-среднеазиатского ли обличья сей субъект, что вроде бы следовало из его имени, с сомнением покачал головой: волосы русые, глаза голубые – непохоже. Возраст? Да примерно такой же, как и Вадим, не старше, не моложе. Вот и вся информация, которую удалось получить.

Оценив ситуацию как неприятную, но отнюдь не критическую, Вадим решил не предпринимать предупредительных мер и не идти на обострение. Фигуранты себя высветили, их методы действия в принципе предсказуемы, поэтому он решил выждать окончания срока «ультиматума», а там уже действовать по обстановке.

Крепко упираясь ногами в шпангоуты, с силой вытягивая массивные весла, весьма скоро он ощутил первую испарину. Сережа потихоньку шевелил рулем, и тяжелая лодка неохотно подчинялась руке мальчика.

– Не рыскай, выбери четкий ориентир и держи точно на него, – посоветовал ему Вадим.

Сережа понимающе махнул головой, чуть потянул правило на себя и орлом застыл на корме.

– Дядя Вадим! – через некоторое время подал голос мальчик. – А почему наш остров называют Ушкуйным?

– Еще во времена татаро-монгольского ига были такие люди, ну, в общем, разбойники, – вытащил Вадим из памяти обрывки исторических знаний. – Они плавали на лодках, называющихся «ушкуями», и нападали на купцов. Последний русский город на Волге тогда был Нижний Новгород. Там ушкуйники собирались в ватаги и плыли в низовья реки. Наверное, на этом острове у них и стоял лагерь, где они подстерегали торговый люд, плывущий с товаром.

– Так, значит, тогда здесь не жили русские люди? – удивился мальчик.

– Нет, не жили. За Волгой в то время кочевали дикие племена – калмыки, хазары, половцы... – неуверенно сказал Вадим, весьма сомневаясь в достоверности этих сведений. – А по нашему берегу ходили орды татар. В общем, необжитые места тут были. В школе, когда древнюю историю будешь изучать, много чего интересного узнаешь.

Сережа удивленно покрутил головой и замолчал. Слева, издалека, слышался мощный гул работающего двигателя. Вадим настороженно оглянулся на этот звук. Они подходили к фарватеру и надо было поостеречься, чтобы не пересечь неповоротливой весельной гулянкой курс идущего по нему теплохода или

самоходки. Правда, сейчас река была почти пустынной. Редкие суда – не более пяти-шести за день, как диковина, проплывали мимо поселка вверх и вниз по течению. Это раньше (а впрочем – не далее десятка лет назад), обмениваясь раскатистыми гудками в приветствиях друг другу, сигнализируя фонарями и флажками о расхождении бортами, днем и ночью шествовали по Волге караваны пузатых барж и пассажирских теплоходов. Тогда пересечение фарватера на веслах действительно было серьезной проблемой.

Вадим определил, что шум издает белый крупный катер, идущий вдоль берега со стороны города.

Других судов, за исключением пары резиновых рыбацких лодочек, болтающихся неподалеку, как ежи ошестинившихся частокотом спиннингов, на обозримой глади реки не наблюдалось. Успокоенный, Вадим навалился на весла и погнало лодку дальше.

Солнце с каждым гребком припекало все сильнее и сильнее.

Пот не градом, но частыми струйками стекало по спине. Майка пропиталась соленой влагой и прилипла к лопаткам. Вадим работал как автомат: наклон вперед, лопасти без брызг в воду, потяг спиной под скрип уключин, рывок в конце движения, снова наклон на новый гребок... Некогда даже было смахнуть капли, скапливающиеся на носу и подбородке – он только изредка энергично взмахивал головой, чтобы стряхнуть их.

Рев двигателя катера нарастал с каждой секундой. Вадим бросил взгляд в его сторону. Посудина быстро приближалась. Уже можно было определить, что аппарат серьезный – на таком и по морю в четырех-пятибалльный шторм можно ходить без опаски. Явно не отечественного производства, с надстройкой и каютами – вдоль борта виднелись иллюминаторы. И скорость неплохая: идет как минимум километров сорок в час.

Неожиданно возмутитель спокойствия, до этого идущий по прямой, изменил курс и направился к качающимся на мелкой волне рыбацким «резинкам».

«Что он делает, идиот», – мелькнуло в голове Вадима, и весла застыли на очередном гребке.

Судно, заложив крутой вираж, вписалось между лодчонками и, врубив на всю катушку сирену, описало вокруг них восьмерку. Видимо, зацепив заброшенные снасти одной из них, катер рванул хилое плавсредство, и рыбак, яростно грозивший кулаком безумным гонщикам, вылетел из лодки и плюхнулся в воду. Похоже, винт отсек зацепившиеся лески, так как «резинка» не потянулась следом, а, перевернувшись мокрым днищем вверх, заплесала на волнах. Голова рыбака и все тот же грозящий кулак поплававком показались на поверхности.

Вторая лодка несколько раз взлетала на крутые гребни, поднятые катером, но оказалась более устойчивой. Вадиму показалось, что даже через шум мотора и дикий вой сирены ему слышен крутой матерный рыбацкий дуплет в адрес лихачей.

Веселящиеся на катере не обратили никакого внимания на случившееся, на человека в воде, и, набирая скорость, двинулись дальше. Судя по маневру, следующим объектом для шуток была выбрана их неповоротливая лодка. Катер летел точно на гулянку.

Форштевень, разбрасывая в стороны огромные пенные буруны, вырастая на глазах, приближался к ним. Вадим, на мгновение растерявшись, вырвал из уключины весло и выставил навстречу катеру. Тут же осознав бесплодность этого порыва, бросил весло в лодку и одним отчаянным прыжком одолел расстояние до Сережи, сидевшего с испуганным лицом на корме. Он крепко прижал мальчика к себе. Мозг включил счетчик: «Столкновение через три секунды... две... одну... таран?!!!»

Катер, оглушительно рыча, почти навис над лодкой, но в то мгновение, когда должен был обрушиться на нее, резко упал на борт и ушел в сторону буквально в нескольких сантиметрах от хлипкого деревянного борта гулянки. Поток воды, поднятой из Волги, хлынул на Вадима с Сережей. Сквозь рев двигателя едва различимо до ушей долетели звуки веселой музыки, визги и звонкий женский смех. Не притормаживая, катер заложил вираж и, выровнявшись, понесся дальше. У штурвала, голой спиной к ним, в длинных цветастых шортах, в обрамлении двух девиц стоял парень, так и не обернувшийся посмотреть на то, что он сделал.

Злой Вадим, все еще прижимая к себе Сережу, проследил маршрут катера. Судно лихо пронеслось вдоль всего поселка и в самом его конце, сбросив скорость, направилось к берегу.

«Скоты, сволочи, ребенка перепугали! Головы бы поотрывать вам вместе с первичными половыми признаками. Догнать бы, да морды от души раскровянить! Так ведь не догонишь на этой посудине, а жаль...» – выругался про себя Вадим и посмотрел на мальчика.

Совершенно неожиданно Сережа, утерев ладошкой с лица воду, поднял на него глаза и очень даже спокойно, словно ничего и не произошло, спросил:

– Дядя Вадим, ушкуйники, наверное, такими и были?

– Да, именно такими разбойниками и хулиганами, – с трудом нашелся что ответить Вадим. – Как ты, не очень испугался?

– Да вроде не сильно, – солидно доложил Сережа. – Ну что, поплыли дальше?

Удивившись хладнокровию мальчугана, Вадим взъерошил его мокрые волосы, вставил в уключину весло, пару раз глубоко и старательно вздохнул, приходя в себя от произошедшей встряски, и погнал лодку к острову.

Без происшествий добравшись до своей цели, закинув донки, Вадим приступил к своим обычным занятиям. Пробежка вокруг острова на первом круге была черепашьею – Сережка, следовавший примеру дяди, увязался за ним, и пришлось подстраиваться под партнера, тянуться, подбадривать пацана, увязающего в рыхлом песке.

Правда, после первого оборота мальчуган выдохся, и Вадим посадил его следить за клевом, тем более что неожиданно дурной окунек попался на крючок именно той донки, которую забрасывал Сережа. У парнишки загорелись глаза, и он кинулся насаживать нового червя и проверять остальные снасти.

Вадим же двинулся накручивать свой обычный план тренировки.

Завершив кросс, вместе с Сережей размялся. На удивление, тот оказался гибким и пластичным, с хорошим вестибулярным аппаратом. Практически без подготовки, после короткого разогрева он сел на шпагат, и закрутки на полный оборот выполнял хотя и неуклюже, но и без особых проблем, твердо приземляясь на ноги. Однако делу – время, а педагогическим развлечениям,

увы, – час. Немного поплескавшись с Сережкой в теплой воде, Вадим поручил ему далее следить за донками и строго запретил лезть в воду. Несмотря на то что мальчик плавал вполне сносно для своего возраста, опаска все же брала. Получив клятвенное обещание, Вадим отправился на свою полянку в глубине острова.

Мышцы после кросса и разминки просили нагрузки. Вадим за несколько минут прошел дыхательные упражнения и движения на координацию, почувствовал, что тело вошло в то ритмичное состояние, которое цирковые артисты называют куражом, и приступил к боевым комплексам. Сначала неспешные, плавные и отдельные движения, переходы, выпады, стали постепенно ускоряться, становились более резкими, отрывистыми. Шаги перешли в прыжки, выпады – в удары. Темп нарастал с каждой секундой. Очень скоро Вадим ощутил, что сознание, управляя телом, перешло на новую, более высокую ступень координации, предугадывая фантома-противника на несколько ходов и отдавая телу, не теряя драгоценного в бою времени на анализ и тягостное осмысление, необходимые и, главное, верные команды.

Этот дикий танец на полянке, покрытой пожухлой травой, со стороны мог показаться первобытным шабашем, истерическим камланием шамана, и только сведущий мог сказать, что вся эта круговерть есть высочайший профессионализм специалиста, вершина искусства воина рукопашного боя.

Отбиваясь и разя невидимую свиту, кружа и меняя направления, Вадим все ближе подбирался к огромному морщинистому осокору – главному неприятелю в этой смертельной кадрили. Очутившись в паре шагов от дерева, он на мгновение замер, внутренне сжимаясь в энергетический сгусток. Но пружина высвободилась – тело выстрелило, взлетев над поляной, ноги мелькнули в воздухе и нанесли несколько сокрушительных ударов по серой грубой коре дерева. Приземление, уход кувырком, новая атака: кулак... локоть... серия быстрых ударов голенью... закрутка... рука... колено... пятка... локоть...

Выпады сотрясали тело, отдаваясь болью в мышцах, нервных окончаниях, но осокорь стоял все так же непоколебимо и смеялся над вечностью и пигмеем, сражающимся с ним.

«Суета...» – неожиданно всплыло слово в сознании Вадима, и он остановился и перевел дух. – «И возненавидел я жизнь; потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все – суета и томление духа!»

Вадим иронически усмехнулся неожиданной реакции сознания: «С какого-то переляка меня на Екклезиаста потянуло?»

Он расслабился, но внезапно его слух уловил чужеродный звук. Из-за деревьев со стороны поселка наплывал знакомый гул мощного двигателя. Вот он достиг максимума и плавно пошел по дуге, обходя остров. Затем обороты упали. С минуту мотор потарахтел на холостых и, лихо взревев на прощание, затих, возвращая природе первозданную тишину.

«Кого там в гости привело? Похоже, придурков-лихачей на катере», – определил Вадим и резво двинулся через кусты к пляжику, где Сережа ловил рыбу. Двигатель заглушили именно в той стороне.

Последние метры он преодолевал бегом, так как услышал крик Сережи: «Дядя Вадим! Дядя Вадим!...»

Он выскочил на песок в десятке метров от мальчика. Голой спиной к нему в цветастых шортах-трусах стоял здоровенный жлоб и тянул Сережу за ухо, приговаривая:

– Громче зови своего лоха-дядю. Мы отдыхать приехали, а вы наше место заняли.

После каждого крика мальчика он радостно гоготал и снова повторял:

– Громче зови! Еще громче!

По трусам и широкой спине Вадим признал в нем лихача-рулевого, едва не протаранившего лодку, когда они с Сережей плыли на остров. И тот самый катер стоял, уткнувшись в берег, метрах в сорока от них. С палубы со смехом и прибаутками двое парней при моральной поддержке парочки донельзя обикиненных девиц сгружали на песок картонные коробки с торчащими наружу бутылками и закопченный мангал.

В один миг окинув взглядом эту жизнеутверждающую мизансцену, Вадим окликнул шутника:

– Эй ты, недоумок, отпусти мальчишку.

Парень резво обернулся на голос, и Вадим неожиданно признал в нем Макса – того самого братка, что наезжал на дядю Ивана по поводу продажи дома. Лицо Макса, поначалу ужасно свирепое от нанесенного оскорбления, стало расплываться в широкой улыбке.

– А я думаю, никак не додумаюсь, чего это у меня с утра такое хорошее настроение? – радостно сказал он. – Мало того, что на отдых в кои-то веки выбрались, а тут еще и со старым знакомым встреча состоялась. Я же тебе говорил, что пути-дороги наши пересекутся – вот и свиделись. Зря ты тогда меня интеллигентом обозвал. Совсем зря... Алик, ты глянь, кто к нам явился!

Один из парней, разгружавших катер, разогнулся и из-под ладони, закрываясь от солнца, внимательно посмотрел в их сторону. Вадим узнал в нем второго незваного гостя, навещавшего дядю.

– Алик, спроси-ка у Камила разрешения перед шашлычками размяться, аппетит нагулять. А то разволнуется, скажет опять, что самовольничаем, – ласково попросил Макс.

Алик молча кивнул, шагнул к люку салона и переговорил с кем-то, находящимся внизу. Краем глаза Вадим уловил движение в одном из иллюминаторов, и у него появилось чувство, что кто-то весьма подробно разглядывает его. Пауза затягивалась. Прошло не менее минуты, прежде чем Алик, к безмерной радости Макса, сообщил:

– Все нормально, таможня дает добро! Пока не начинай, Камил тоже хочет посмотреть на забаву.

Вадим боковым зрением, чтобы не упустить неожиданного и подлого, как часто бывает в общении с подобными типами, удара, проследил, как из каюты в обнимку с очередной девицей поднялся наверх еще один персонаж, надо думать, тот самый Камил. Он опустился в полосатый шезлонг, услужливо подставленный ему бодигардом. Алик спрыгнул с катера и уселся, по-восточному скрестив ноги, на песок. Девица грациозно опустилась на палубу к ногам Камила. Когда все зрители заняли свои места, послышался негромкий хлопок в ладоши и ленивое:

– Приступайте, мы готовы...

Вадиму данная ситуация совершенно не нравилась, но, похоже, выбора у него не было. Разойтись миром с этой компанией явно не получалось. Радовало по крайней мере, что никакого оружия на свет не являлось. А оно у этих отморозков запросто могло быть. Вероятно, пока не принимают его за серьезный объект.

«Ну, что же, господа братки, представления хотите? Будет вам спектакль!» – скрипнул зубами Вадим, чувствуя, как в нем закипает злость. Он повернулся к стоящему рядом Сереже и легонько подтолкнул его к кустам:

– Иди туда, присядь в теньке и ни во что не вмешивайся.

Макс с плотоядной улыбкой махнул в стороны руками – надо думать, это была разминка, и шагнул к Вадиму. Тот спокойно стоял на месте, опустив плечи и руки, и представлял собой унылый образ человека, покорившегося горькой судьбинушке.

– Ну, что, шалашовка гнутая, – с задумчивой нежностью в голосе сказал Макс. – Сейчас я из тебя буду делать ба-а-лшой и невкусный кусок мяса.

– По своему образу и подобию? – усмехнулся Вадим. – Не лучший шедевр мировой кулинарии выйдет.

– Ты, падла, еще и шуткуешь? – удивленно поднял брови Макс. – Ну, козел ставленный, ты окончательно меня достал.

Он рванулся к Вадиму и, сделав обманное движение рукой, с полуоборота выкинул вперед ногу, целясь ему в грудь. Вадим совершил несложное па, переступив ногами «змейкой», и пропустил удар мимо себя, оказавшись за спиной парня. Макс, ожидавший, что его старания с первой же попытки достигнут цели, по инерции крутнулся на песке и, потоптавшись, с трудом удержал равновесие.

Быстро развернувшись к противнику, что делало честь его массивному сложению, Макс без подготовки двинулся в лобовую атаку. Серия отработанных ударов, достойных подготовленного боксера, повисла в воздухе – Вадим

очередным грациозным уходом уклонился от встречи с его кулаками.

– С «тенью» работаем? – иронически бросил он сопернику.

– Сейчас ты тенью станешь! – грозно проревел Макс и в очередной раз пошел на сближение. Наконец усвоив, что Вадим не склонен к ближнему бою, и посчитав подобное поведение слабостью соперника, он не кинулся сломя голову в атаку, а на время поменял тактику. Работая ложными движениями, Макс теснил Вадима к воде, чтобы лишить маневра и там, по своему разумению, замочить дохляка. Это видимое преимущество было отмечено громкими и радостными криками девиц. Мужчины, в отличие от дамской половины зрителей, своих эмоций никак не проявляли то ли в силу природной сдержанности, то ли разобравшись, что в спарринг-партнеры Максуду достался не лох, не мальчик для битья, а человек, понимающий толк в рукопашном бою.

Вадим без труда разгадал хитрость разгоряченного братка и начал отступать. В тот момент, когда босые ступни ощутили под собой влажный песок берега и, соответственно, он почти потерял одну степень свободы, его глаза поймали торжествующую искру во взгляде Макса. Парень, похоже, решил, что звездный момент схватки наступил и победа у него в кармане.

Уловив стартовую подвижку Макса, ринувшегося в «последний и решительный», Вадим решил закончить эту идиотскую потеху. Опередив соперника на десятые доли секунды, он неуловимым нырком ушел в сторону и, не мудрствуя лукаво, голенью встретил его живот. Сокрушительный удар, удвоенный встречным движением бугая, не посчитавшись с накачанным прессом, согнул Макса пополам. Сам Вадим, едва коснувшись руками земли, резко оттолкнулся и, развернувшись в полете, довершил начатое, уронив локоть на шею Макса.

Под истошный визг одной из зрительниц неудачливый боец тупо ткнулся головой в песок и, неуклюже перевалившись на бок, замер. В наступившей тишине Вадим повернулся к катеру и угрюмо спросил:

– Надеюсь, представление на этом заканчивается?

– Отчего же? – подал голос Камил. – Лично мне такие развлечения по душе. Продолжим... Алик, к барьеру.

– Не хочу, шеф, – не поднимая головы, лаконично бросил парень. – Жарко сегодня...

– Что-о? Что такое? – удивленно протянул Камил. – Я не понял расклада...

– Не буду драться, не хочу, – спокойно повторил Алик.

– Ну, что же, голубь, об этом мы поговорим позже, – после недолгой, но многозначительной паузы с холодом в голосе произнес Камил и скомандовал: – Седой, вперед!

Бодигард, стоявший рядом с Камилом, сбросил с себя майку и легко перепрыгнул через поручни катера на берег. В отличие от самоуверенного Макса, он не рванул с ходу в штыки, а начал не спеша разогреваться. Осмысленный разминочный комплекс выдавал серьезного спортсмена. Начав с легких потягиваний и аккуратной разработки суставов, он перешел к растяжкам, а затем, ускоряя темп движений, занялся динамикой – прыжками, закрутками, выпадами... Вадим без особого труда определил в нем опытного каратиста.

Злость, поднявшаяся в начале схватки с Максом, почему-то ушла, и у Вадима было странное, не совсем приемлемое в столь неприятной ситуации ощущение покоя, может быть, даже апатии: «Каратист, так каратист. Седой, значит Седой».

Радовало, что не бросились клевать стайей после проигрыша Макса. Что это, остатки спортивной порядочности – а Вадим не сомневался, что вся эта компания когда-то имела отношение к спорту. А может, что-то иное? Какая-то недосказанность и искусственность сквозила во всем этом...

Он оглянулся на Сережу. Мальчик стоял в сторонке около кустов тальника и, широко открыв глаза, смотрел на дядю. Вадим улыбнулся, помахал ему рукой и прошел к центру пляжного ристалища. Уже разогревшийся Седой, по-кошачьи мягко переступая, двинулся ему наперерез.

Не доходя нескольких шагов, он сложил у груди ладони и отвесил сопернику ритуальный поклон. Вадим вежливо ответил ему тем же. Исполнив стандартную стойку, Седой не ринулся сразу, как его предшественник, в атаку, а начал аккуратно прокачивать противника, кружа вокруг него, нанося несильные

удары, пытаясь нащупать брешь в обороне. Вадим, практически не сходя с места, поворачивался вокруг оси, легко парируя качественные, но довольно стандартные атаки бойца. Сам он, с первых шагов Седого, отметил его слабую сторону – парень, похоже, раньше не работал на песке. Его движения часто смазывались и не обладали должной энергетикой и мощностью.

Но вот темп начал расти и удары стали сыпаться чаще. Можно было отметить, что их качество возросло. Похоже, Седой начал приспосабливаться к песчаному «татами». Вадим также вышел из пассивной защиты и пару раз чувствительно достал корпус и бедро противника. Тот, было заметно по реакции, начал злиться и немного нервничать. Выпады стали более резкими и жесткими, хотя, как и прежде, не достигали цели.

Очень даже приличный по исполнению двойной удар в голову с закрутки Вадим легко парировал, но во время повтора вполне сознательно открылся, предоставляя возможность Седому коснуться пяткой своей груди. Тот, уловив, что этот прием принес ему успех – Вадим имитировал потерю равновесия, – начал готовиться к дублю, что от него и требовалось. Очередной акт этого фарса уже порядком поднадоел и хотелось побыстрее его завершить.

Седой двинул плечами, собираясь уйти на волчок, как вдруг противник, до этого пассивный, стремительным броском оказался рядом с ним и, словно помогая, подсек в повороте его ногу и резко бросил вверх. Закрутка из горизонтальной плоскости ушла в крутую вертикаль. Нелепо взмахнув руками, Седой взлетел в воздух и со всего размаху, не сумев сгруппироваться, рухнул спиной на землю. Последнее, что он почувствовал, было острое прикосновение пальцев к его шее, после чего сознание потухло...

Медленно выпрямившись, Вадим исподлобья глянул на катер, откуда раздались жидкие аплодисменты благодарной публики в лице Камила. Девуцы испуганно молчали.

– Может, все-таки закончим эту комедию? – повторил он свой прежний вопрос.

– Увы, как раз сейчас это невозможно, – сказал Камил и поднялся с шезлонга. – Мы потеряли лицо. Двое поверженных, один трус. Это более чем печально – это трагедия. Честь надо восстанавливать...

Он перешагнул через поручни и сошел по трапу на берег. Вадим только сейчас мог рассмотреть его более внимательно. Короткий ежик на голове – более седой, чем просто светлый от природы, шрам на щеке, глаза не столь голубые, как белесые, выцветшие, возраст, как и говорил дядя Иван, за тридцать. Камил скинул рубашку и показал рельефный торс – не накачанный культуристической рубленой глыбой, а явно приобретенный в ходе естественных интенсивных тренировок. Вадиму почему-то никак не удавалось поймать в целом облик этого человека, собрать воедино все черты. И одновременно у него зрело чувство, что они могли где-то встречаться. Но где и когда?

Короткая разминка – и Камил легкими шагами приблизился к Вадиму. Он не стал тратить время на приветствие и только коротко бросил:

– Приступим!

Вадим в ответ качнул головой в стандартном приветствии.

С первых же движений – свободных и ювелирно отточенных, он понял, что перед ним боец высокого класса. У Камилы не было привязанности к какому-то определенному стилю. В его работе попеременно, а иногда – и в слиянии, мелькало и карате, и кэмпо, и таэквондо, и даже пробивались элементы русбоя, до недавнего времени бывшего прерогативой спецслужб.

Темп схватки нарастал с каждой секундой. Не было разведки, не было прощупывания друг друга. Град ударов обрушился на Вадима. Он был вынужден принять такую тактику и не остался в долгу. Со стороны неискушенному зрителю могло показаться, что схватка тщательно отрежиссирована и отрепетирована, настолько легкими и отточенными были движения каждого из бойцов. Редкие прорывы обороны и едва видимые касания тела противника также казались шутейными, и только сами бойцы могли ощутить острую боль от таких «ласковых» прикосновений.

Но вот Камил отпрянул на пару шагов назад и остановился, переводя дух. Он как-то по-особенному – вбок и чуть назад – наклонил голову и Вадима опять пронзило ощущение знакомого и давно забытого. Но на раздумья времени не было. Камил шагнул вперед и Вадим едва не упустил начала атаки. То, что он воспринял как передышку, было подготовкой к проведению «бегущей волны» – эффектного, а еще более – эффективному комплексному приему русбоя. Редкий

профессионал мог четко и правильно произвести эту смертельную «дорожку», а еще более редкий – защититься от нее. Только отработанный на бессознательном уровне рефлекс противодействия да небольшие неточности в исполнении спасли Вадима в лучшем случае от увечья. Почти автоматически он прошел между хаотичными на вид, а на деле – искусно продуманными и отработанными веками ударами, каждый из которых мог сокрушить его, послать в небытие.

Похоже, противник не ожидал подобного исхода. Развернувшись к ушедшему за спину Вадиму, Камил опустил руки и удивленно спросил:

– Так ты и это знаешь? – и так же знакомо опустил голову.

– Проходили в школе, – усмехнувшись, ответил Вадим.

– Вот тебе и ешь-накаreshь! – произнес Камил, и тут память Вадима просветлела.

«Ешь твою накаreshь», по-особенному склоненная голова...

Шрам на щеке мешал, а то бы он его узнал раньше.

– Верблюд, неужто это ты? – ошеломленно спросил он.

– Что, наконец-то признал? – немного печально усмехнулся тот, кого звали Камиллом.

– Лешка Свиридов! Как я тебя сразу не определил? Да и прозвище твое Камил – откуда такое?

– Годков-то сколько пролетело? А что прозвище – от тебя и понеслось. Не помнишь, как ты прилепил еще в школе Верблюда? А дальше рисуй дорожку: Верблюд – Кэмэл – Камил. Все гениальное очень и очень просто!

– Извини, если так. Очень рад тебя видеть, – протянул руку старому товарищу Вадим.

– И я тебя тоже, – после секундной, почти неуловимой паузы отозвался Леша-Камил и крепко сжал его ладонь.

– Надо бы пообщаться, вспомнить знакомых, – неуверенно произнес Вадим, чувствуя некоторую холодность Алексея.

– Обязательно пообщаемся. Приглашаю тебя сегодня в гости. Этот выезд на природу, будем считать, не удался, поэтому удалимся к себе в затишок. Хотел побаловать этих, – он кивнул на лежащих без движения Макса и Седого, – а они сами побаловались...

Он повернулся к Алику, так и не сдвинувшемуся с места, и поманил к себе пальцем.

– Что это ты, милый, моего слова не слушаешься? – зловеще-ласково спросил у него Алексей, когда тот подошел поближе. – Размяться с моим другом детства не захотел?

– Извини, Камил, я не самоубийца. Видел его как-то в деле... – кивнул через плечо Алик.

– Это где же ты меня мог видеть? – пришел черед изумиться Вадиму. Он настороженно впился глазами в лицо парня, но не смог вытянуть из закоулков памяти эту среднестатистическую славянскую физиономию. – Не ошибаешься?

– В Абхазии в девяносто третьем году. Я там срочную служил в миротворцах. На нашу колонну напали грузины из «Лесных братьев». Почти всех скосили. Лейтенант раненый да я недобитыми остались. И нам бы конец пришел, да вылетели из зарослей шестеро парней и за три минуты уложили ровным штабелем пятнадцать горячих горских джигитов. Сделали дело, перевязали нас, по рации вызвали вертушку и опять ушли в лес. Давно было, но лицо ваше мне запомнилось.

– Наверное, обознался ты, дорогой, – не бывал я в Абхазии. Дальше Сочи в ту сторону не забирался, – широко улыбнулся Вадим.

Он вспомнил тот случай. Его группе пришлось выходить после задания через пару границ и в глухом углу кавказского предгорья бывшей всесоюзной здравницы они натолкнулись на разгромленный грузинскими партизанами гуманитарный конвой. Пришлось вмешаться... И того раненого лейтенанта, кстати, он сам перевязывал. И солдатик там был, точно... Да, вот уж неожиданная встреча!

– Ошибся ты, парень, – твердо повторил Вадим.

– Может быть, и так, – вяло и безразлично сказал Алик и отвернулся.

– Ладно, хватит лясы точить. Не встречались, значит не встречались, – подытожил разговор Алексей-Камил. – Приводи в порядок своих дружков и двигаем отсюда. А тебя, Вадим, жду к обеду у себя дома. Знаешь, где это?

– Примерно представляю. Я в поселке живу у родственников, – кивнул головой Вадим. – И про Камила слышал, но не думал, что это ты.

– Вот и отлично. Обязательно приходи, буду рад!

ГЛАВА 3. Сюрпризы ходят стаями

Особняк бывшего Леши Верблюда, а ныне – Камила, впечатлял своей монументальностью, богатством и качеством материалов, а еще более – безвкусицей. Классицизм и барокко по-детски незатейливо и хаотично переплетались с рококо, готикой и прочими ампирами.

«Розу белую с черной жабой...» – усмехнулся Вадим, любясь мавританскими башенками, торчащими над стройным рядом белых колонн вдоль фасада, в прорехи между которыми виднелись стрельчатые прорезы окон. – Истинно-с новорусская архитектоника».

Он остановился у высоких кованых ворот, густо усыпанных литыми чугунными розами, переплетенными гирляндами таких же серых в окалине листьев неизвестной угловатой породы. Поискав глазами, Вадим нашел спрятанную в

мраморной нише кнопку звонка. Нажав на никелированный квадратик, он поднял голову на камеру слежения, укрепленную на столбе. Показав фас, повернулся и в профиль, предоставляя невидимому наблюдателю редкую возможность полюбоваться своей личностью. Скоро за воротами, выдвинувшись откуда-то сбоку, появился мрачного вида массивный субъект лет эдак двадцати пяти.

– Что те нужно? – незатейливо спросил он, предварительно оглядев с ног до головы незнакомого посетителя. Судя по презрительно оттопырившейся губе и форме вопроса, прибывший гражданин должного впечатления на шкафа-охранника не произвел.

– Моя фамилия Веклемишев, – коротко ответил Вадим и так же внимательно осмотрел фигуру и лицо неприветливого привратника. Более всего в нем Вадиму приглянулась пологая линия накачанной шеи, тянущаяся от плечевых суставов непосредственно к мочкам ушей.

«Ежели по ней с крутого размаху, да со всей широтой души влупить – редкая оглобля не треснет», – с глубоким уважением констатировал про себя Вадим.

– Заходите, вас ждут, – сменив гнев на милость, буркнул верзила и нажал на кнопку пульта, сиротливо затерявшегося в его разлапистых ладонях. Створки ворот плавно и бесшумно поплыли в стороны, и Вадим ступил на дорожку, аккуратно выложенную разноцветной мозаичной плиткой.

С острова они снялись быстро. Алик, не церемонясь, вылил на Макса и Седого по ведру воды, зачерпнутой из Волги, похлопал по щекам – и ребяташки довольно быстро оклемались. Коротко шепнув что-то на ухо товарищам, Алик отправился готовить катер к отходу. Алексей с интересом оглядел одновременно и злые, и смущенные физиономии поверженных Вадимом бойцов и разочарованно обратился к нему:

– Слышь, Вадим, совсем никудышная смена растет. С виду вроде и крепкие, а копнешь – в середке гниль, ломаются от первого же сквозняка.

– И самоуверенности хоть отбавляй, – поддакнул ему Вадим, поняв важность воспитательного момента.

– А уж этого в избытке: ведрами черпай, не вычерпаешь, – согласился Алексей.

– Камил, хватит издеваться. Ты что, нам со своим другом решил проверку устроить? Мы вроде бы уже все экзамены и зачеты тебе раньше сдали, – с обидой сказал Макс.

Алексей неожиданно резко шагнул к нему и, ухватив пальцами подбородок Макса, рванул голову парня на себя.

– Сосунок, закрой свою грязную пасть. Вы меня сегодня перед товарищем детства опозорили. Кроме как черных щипать на рынках да перед телками мышцей накачанной играть, больше ни на что не годны. А насчет экзамена ты правильно подсказал – буду теперь вам его периодически устраивать, а то совсем жиром заплыли, щенки, – твердо отчеканил Алексей, и его лицо внезапно плеснуло яростью и неприкрытой злобой.

Разжав пальцы, удерживающие подбородок, он без замаха, коротко врезал кулаком Максу в челюсть, так, что голова парня безвольно мотнулась в сторону. Потом занес кулак еще раз, но не ударил. Застыв на секунду, приходил в себя.

Алексей опустил руку, а потом повернулся к Вадиму и раздраженно, но в общем-то уже без излишней злости, сказал:

– Поехали отсюда побыстрее, иначе я последние нервы с этими сопляками сорву. А ты неплохо работаешь. Ребята в свое время не последними спортсменами были – оба заслуженные мастера. Но ты их как детей уложил. Где так обучился?

– В армии, – не вдаваясь в подробности, сказал Вадим. – А что уложил, так не только их, а и тебя в юности далекой тоже на лопатки бросал. А сейчас, смотрю, и ты кое-чему обучился.

– Жизнь научила. Стараюсь не отставать от молодежи, – усмехнулся Алексей. – А кем в армии-то служишь?

– Военным переводчиком.

– Вот уж не думал, что переводчики в нашей несокрушимой такие крутые бывают, – с сомнением покачал головой Камил-Верблюд. – Ну да ладно. Раз сказал переводчик, значит, пусть так и будет.

Взяв гулянку на буксир и поставив сияющего от радости Сережу под опекой Алика на капитанский мостик к рулю, чтобы доставить мальчику удовольствие, с ветерком описали пару кругов вокруг острова и только после этого взяли курс на поселок. Расставаясь, договорились, что Вадим переоденется, приведет себя в порядок и через час подойдет к Алексею.

Алексей встретил Вадима на ступеньках лестницы, лишь немного уступавшей потемкинской по ширине.

– Ну, как домик у меня? Нравится? – горделиво спросил Алексей.

– Ты знаешь... – иронично улыбнувшись, замялся Вадим. – Как-то, ну очень по-богатому. Его бы куда-нибудь в Майями. Думаю, тамошние крутые рассудком бы поехали от зависти. Ты сам его проектировал?

– Да нет. Есть у нас во Всеволжске один сверхмодерновый архитектор – специализируется на индивидуальных особняках. Мужик идет нарасхват, очередь на пять лет вперед расписана – еле вырвал. Вот этот Корбюзье мне его и нарисовал. И прикалываешься ты зря. Знакомые от моего вигвама тащатся, как кошаны от валерьянки, – нахмурился Алексей. – И к тому же положение обязывает.

– Ну, раз положение, тогда ничего не могу сказать, – засмеялся Вадим. – Просто я бы в нем вряд ли смог жить.

– Честно говоря, можешь верить, а можешь и нет, мне он тоже в общем-то не нужен, – криво усмехнулся Алексей. – Но, увы, дом построен, значит, в нем надо жить.

– А кариатид тоже тот архитектор «нарисовал», – кивнул Вадим на двух красующихся бюстами дам, совсем уж ни к селу ни к городу прилепленных над входом, режущих глаз даже на фоне общей вычурности здания.

– А вот это, каюсь, мои поправки к проекту, – громко захохотал Алексей. – Не узнаешь?

Вадим взгляделся в обнаженную натуру и с сомнением покачал головой.

– Да вроде нет...

– Вопрос на засыпку: тебя в комсомол где принимали?

– В горкоме, кажется. Да, точно, в горкоме комсомола на Дзержинской. Только при чем здесь кариатиды? – удивился Вадим.

– А рядом с ним на углу дом был – там раньше ОВИР сидел, паспорта заграничные выдавали. Над входом в него кариатиды и были. Вспомнил? Так вот, в здании горкома и бывшем ОВИРе сейчас находится отдел по борьбе с оргпреступностью. Я для прикола и повесил у себя над входом точно такие же. Залетали сюда как-то эти ребята, рассмотрели девиц, ох и кислые же у них физиономии были, ты бы видел, – радостно залился смехом Алексей.

Похоже, с юмором у Алексея было неплохо, правда, Вадиму от профессиональной специфики этих шуток почему-то стало грустно.

Стол накрыли за домом в уютном подобии итальянского дворика, увитого виноградом, на краю небольшого бассейна. Сразу за бассейном начиналась молоденькая березовая рощица, круто сбегаящая по откосу к Волге. Из архитектурно-ландшафтной окрошки особняка, пожалуй, только эти тоненькие деревца не томили глаз, разливали по телу какое-то доброе тепло и постоянно притягивали взгляд.

Разговор почему-то не получался. Некоторое оживление в самом начале, воспоминания об общих знакомых, с которыми и сам Алексей уже давно не встречался, сменилось неуютным молчанием, во время которого хозяин обильно накачивал себя коньяком. К его чести надо было отметить, что, несмотря на частые и обильные дозы золотистого армянского пойла, Алексей в общем-то не пьянел, а только внешне становился все более и более хмурым и колючим. Вадим только пригубливал ароматный прасковейский мускат из пузатого темного фужера, закусывая его сладкими ананасными дольками.

Затянувшееся молчание прервал Алексей.

– Мне Алик доложил, что Макс на твоих родственников наехал по поводу продажи дома. Извини, это случайно получилось. Я уже дал команду отставить. Один знакомый корешок попросил подыскать место для коттеджа, а я, особо не вникая, поручил это дело Максу. Будем считать, что забыли. Кстати, хороший парнишка твой племянник, забавный, – сказал Алексей. Немного помолчав, неожиданно добавил: – У меня такой же шустрый растет.

Вадим посмотрел на него:

– А где он, где жена?

– Здесь, в городе живут. Только без меня.

– Я, наверное, задал не очень приятный вопрос? Извини!

– А что тут неприятного? Все как у людей: сошлись-разошлись, сбежались-разбежались – пинг-понг называется. Шарик налево, шарик направо, чем сильнее удар, тем быстрее летит. Не захотела жить с криминалом. И правильно сделала! Да ты должен помнить мою жену: Марина, гимнасточка, я еще как-то просил тебя составить пару на свидании, так как она без подружки никак не хотела идти, – оживился Алексей. – Мы с ней потом на спортфаке в пединституте учились и поженились на третьем курсе.

– И что же вам не жилось?

– Нам жилось прекрасно, да другим хотелось жить лучше, – нахмурившись, сказал Алексей, и на его скулах жестко заиграли желваки. – Я после института группу ребят набрал и начал из них чемпионов-вольников лепить. После того как они стали медали собирать, да не только у нас, но и за бугром, мне сказали, что я еще молод, не гожусь для такого ответственного дела, и отдали моих пацанов заслуженному тренеру. Это же заграничные командировки, валюта, премии... Мне, конечно, такая хамская постановка вопроса очень не понравилась. Я возмутился, пошел на разборку к председателю федерации и в пылу беседы сломал ему челюсть. Дали три года. Отсидел от звонка до звонка. А там быстро мозги на место вправляют, наставляют на путь истинный, – он поднял руку и бережно прикоснулся пальцами к шраму на щеке.

Вадим с удивлением посмотрел на Алексея, лицо которого внезапно исказила гримаса неприкрытой злобы. Его руки затряслись, и казалось, что клокочущая в нем ненависть готова выплеснуться наружу и вылиться на первого встречного. Совсем недавно Вадим видел его таким же во время разговора с Максом. Неожиданно Алексей вскочил с плетеного стула, отшвырнул его ногой и кинулся в дом.

«Нервишки у Леши ни к черту...» – разочарованно отметил про себя Вадим.

Минут через пять тот вернулся. Подойдя к столу, плеснул себе в фужер коньяка и опрокинул в рот. Задумчиво сжевав дольку лимона, он поднял стул и сел на него. Вадим, после произошедшей с Алексеем истерики, а по-другому назвать этот срыв было нельзя, чувствовал себя не очень уютно и хотел уже распрощаться с хозяином, но не находил повода.

Неожиданно Алексей негромко засмеялся и, повернувшись к гостю, подмигнул и весело пропел:

– «Вот такая наша жизнь, вот такая...»

Внезапная резкая смена настроения обескуражила Вадима.

Только что Алексей пылал нешуточной яростью – и вдруг песня.

– Так вот, вышел я на волю в девяносто третьем, вернулся в семью. Марина честно ждала меня. Попытался я опять в спорт пойти, ан нет, меня и близко к нему не подпустили – не имею права со своей биографией воспитывать молодое поколение. Помыкался, искал работу, да и умылся. На приличное место с меткой зоны не брали, а в дерьме копать душа не лежала. Правда, люди добрые помогли: весточка им из-за колючки пришла, что правильный пацан неприкаянным по земле бродит. Пристроили к месту, и все поехало как надо. Набрали мне спортсменов, согласно полученному образованию. Сначала хлопотно было, а потом все наладилось. Вот только Марине моя работа не понравилась, но это уже детали. Не захотела, чтобы у Славки был такой нехороший отец, как я. Чистенькой пожелала остаться. И пускай остается...

Зазвонил лежащий на свободном стуле мобильник. Алексей взял его, глянул на высветившийся номер, поморщился и приложил к уху.

– Слушаю. Привет, дорогой! Как твои успехи?... Понял. Рад, что все прошло без эксцессов. Где ты сейчас находишься?... Отлично. Доставь их, как и договаривались, на базу. Да сколько раз тебе говорить: на базе не дебаркадер стоит, а брандвахта. Дебаркадер двухэтажный, и он находится в заливе у Шатовки. Вечно ты путаешь – «бабе мороженое, детям цветы». Передашь груз Равилю и отдыхай. А ему скажи, чтобы присмотр и обслуживание были по высшему классу. Главное, чтобы малая ничего не поняла – сам папаша в курсе. Выполняй, дорогой.

Закончив говорить, набирая номер на телефоне, Алексей, улыбаясь, кивнул Вадиму:

– Извини, старик, срочные дела. Сейчас один короткий звонок сделаю и продолжим. Алло, Борис Глебович, я вас приветствую! Да, взаимно. Все в порядке, мои ребята прибыли, ценный груз доставили в целости и сохранности... Да, конечно. Но это все же ваши люди. Ростислав просил помочь и сказал, что вы в курсе всего. Поэтому счел своим долгом доложить. Сами же учили... Естественно, как и договаривались, «Метрополь» вместе с «Рэдисон-Славянской». Посуточная оплата такая же. И охрана, как в лучшие времена в Мордовлаге... Шучу, конечно. Как решили с ними, так и будет. К нам не собираетесь в гости? Все дела, дела! Жаль. Рад был услышать. До свидания, Борис Глебович!

Вадим внимательно наблюдал за Алексеем и не мог разобраться, что же происходит с его знакомым. Каждый может сорваться, поменять настроение, однако такой резкий переход из крайности в крайность, а сейчас хозяин буквально расплывался в сладкой истоме, бессмысленно улыбаясь, настораживал Вадима.

Алексей отложил мобильник, повернулся к нему и вопросительно взглянул на гостя:

– Что, заскучал? Расслабляйся. Сейчас шашлычки поспеют. Не стесняйся, наливай себе коньяк – хозяин я никудышный, угощать не умею. Семужку для поднятия аппетита наколи – как масло во рту тает. Грибки маринованные, а вот,

обрати внимание, мидии – говорят, для мужской силы ингредиент весьма даже полезный.

Неожиданно Алексей специфическим движением поднес к носу согнутый указательный палец и, поочередно зажимая ноздри, старательно втянул в себя воздух и на пару секунд прикрыл глаза.

«Вот все и становится на свои места. Кокаин! – Догадался Вадим. – Теперь понятна и резкая смена настроения, и внезапная расслабленность Алексея, и его недолгое отсутствие. Прошелся по „дорожкам“ и в кайф!»

– А это тебе зачем? – резко спросил Вадим.

– Что «это»? – Алексей недоуменно поднял на него взятые поволокой, с огромными зрачками, глаза.

– «Снежок». Зачем нюхаешь?

– Просек поляну, дружок? Молодец! А сам, случайно, не пользуешься этим зельем? Нет? Странно и весьма похвально! И мальчики кровавые не беспокоят, не стоят в глазах?

– Что ты несешь? – поморщился Вадим. – Какие, к черту, мальчики?

– А те, что сейчас там находятся, – Алексей направил указательный палец в небо, хитро взглянул на Вадима, потом перевел палец в пол. – Или там... Не зовут, не стонут? Ночью в кошмарных снах не являются?

– Хватит пороть чушь, – возмутился Вадим.

– А это не чушь. Ты что думаешь, я тебя узнал только после того, как ты меня Верблюдом назвал? Нет, я только в иллюминатор разглядел твою физиономию, сразу сообразил, с кем меня случай свел. А может, это и не случай, а предзнаменование? Удивляешься? И драться с тобой вышел только для того, чтобы повнимательнее взглянуть в глаза. Я, может быть, всю свою жизнь ждал, чтобы это сделать – посмотреть в твои зрачки и увидеть в них то, что увидел...

– Ну и что же ты там такого интересного обнаружил? – насмешливо спросил Вадим, которому уже надоел бред, который нес Алексей.

– Что я там увидел? Смерть – вот что! Наконец-то мы с тобой сравнялись: ты убийца и я убийца. Думаешь, почему я стал тем, кто я сейчас? Да потому, что хотел преодолеть тот комплекс неполноценности, который ты сам в меня еще мальчишкой и вбил. Верно напомнил, что всегда меня на лопатки клал. Я тренировался до изнеможения, до крови, а ты, талантливый и непобедимый, приходил и ломал. И не только тело, походя ломал с хрустом мою душу. Вот тогда я поклялся, что буду лучшим, что превзойду тебя. Когда на Олимпиаде со сломанной рукой «серебро» заработал, думал, успокоюсь. Нет, не успокоился! Считал, что ты в это время где-то «золото» взял. И тогда понял, что мне нужно – сойтись с тобой в бою и победить. Или хотя бы быть на равных.

Вадим в крайнем удивлении наблюдал за Алексеем и не мог понять, что это: бред от излишней дозы порошка или же действительно всплеск горечи и злобы, так долго копившейся в его душе.

– Ты не задал мне вопроса, где и как я научился рукопашному бою. Могу ответить – в зоне. У меня был хороший наставник. Ты сказал, что служишь в армии, вот и он когда-то тянул лямку в спецназе. Подставили его, волчару, еще в Афгане и закатали на червонец. Если бы не этот человек, я бы там не выжил. Именно у него я выучился всему, что умею. И это только для того, чтобы когда-нибудь встретиться с тобой и победить. Смешно? Может, и так. Сегодня я не победил. Сегодня свершилось большее: я понял, что мы на равных. И это тоже заслуга моего наставника. Это он научил меня различать, ловить смерть в глазах противника – свою или чужую. В твоих я увидел чужую, и не одну, а много-много смертей. И это меня порадовало. Выходит, мы с тобой одной крови! Говоришь, что ты переводчиком работаешь? Верю! Только что ты переводишь – живые души в прах и тлен?

Вадим с изумлением смотрел на Алексея. Что таилось за его беснованием: сумасшествие, деградация личности, наркотический бред? Искаженное лицо плясало перед глазами, являло собой маску ужаса и, одновременно, плещущего через край совершенно непонятного сладострастия и самоуничтожения.

– Ты всегда – в белых одеждах, я – в грязном рубище. Но никто не может сказать, какое тряпье лучше подходит для савана, – голос Алексея уже срывался на крик. – Наша сегодняшняя встреча была predetermined. Но она, я думаю, не

последняя. Я знаю, что только один из нас должен стать победителем, только один должен жить. И я предчувствую, что мы еще встретимся, знаю, что наш поединок впереди, и с нетерпением жду этого часа.

Алексей впился безумными глазами в поднявшегося из-за стола Вадима.

– Извини, Алексей, но, кажется, мне пора покинуть твой гостеприимный дом, – спокойно сказал Вадим. – Я не хочу выслушивать такую чушь от человека, с которым когда-то дружил. Плохо, что нельзя войти дважды в одну реку, но еще хуже, когда тыходишь в нее, а она оказывается сточной канавой, полной дерьма. В отличие от тебя, я надеюсь, что мы больше никогда не увидимся. Прощай, Алексей!

Он повернулся и, не оглядываясь, пошел прочь. Из-за угла, с дымящимися кусками шашлыка на закопченных шампурах, появился массивный привратник. Он удивленно воззрился на уходящего гостя.

– Куда же вы? Шашлык только поспел. Мясо молоденькое, сочное, неподгоревшее...

– Спасибо, уважаемый, за заботу, но мне его попробовать не удастся, спешу, – вежливо ответил Вадим. – Лучше проводи меня до ворот, а то я с вашей автоматикой не знаком – придется через забор сигать.

– Выпусти его, Джин, – раздался за спиной нарочито ленивый голос Алексея. – У нашего гостя возникли кое-какие проблемы с пищеварением. А вполне может быть, ему не понравилось, как мы его встречаем, или наша стряпня не по вкусу прилась. Ну, да ладно, на всех не угодишь. До встречи, мой старый добрый друг. Адью, мон шер ами!

Вадим неторопливо шел по улице. Встреча с Алексеем, его истерические излияния не вызвали в нем никаких эмоций, кроме чувства омерзения и стыда. Столько лет копить и преумножать в себе зависть и ненависть, и к кому – к пятнадцатилетнему подростку, двадцать лет назад победившему на борцовском ковре? Каким же тупым и ограниченным надо быть, чтобы превратить мгновение досады в жизненную позицию, убогое кредо, и лелеять его долгие годы, ломая свою судьбу и судьбы других. А может, это просто срыв психики, навязчивая идея шизофреника?

«Да ну его! – Вадим от досады даже махнул головой. – Не стоит забивать себе голову бреднями. Главное, что Алексей-Камил пообещал отстать от дяди Ивана. Вот и славненько, и пускай с ума потихонечку сходит, грызет себе печенку. Вычеркиваем Верблюда-Кэмэла-Камила из памяти».

Рядом с ним, натужно заскрипев тормозами, остановилась белая «Волга». Водитель, высунувшись из окошка, спросил у Вадима, где находится переулок Пристанской. Вопрос было нетрудным – в этом переулке стоял дом дяди Ивана. Он указал парню на ветлу, раскинувшуюся на нужном перекрестке, и не торопясь пошел следом за сорвавшимся с места автомобилем.

Завернув в проулок, Вадим обнаружил, что «Волга» стоит у дома родственников и дядя Иван в калитке разговаривает с молодым мужчиной в летних брюках и светлой рубашке. Увидев Вадима, дядя замахал рукой и что-то сказал своему собеседнику.

Повернувшись, тот внимательно посмотрел на Вадима и пошел ему навстречу.

– Веклемишев Вадим Александрович? – спросил он.

– Да, это я. Чем обязан? – ответил Вадим и вопросительно взглянул на мужчину.

Тот достал из визитки удостоверение и представился.

– Майор Фатеев, областное управление ФСБ. Извините, что пришлось потревожить на отдыхе, но мне поручено передать вам сообщение. Звучит оно так: «Викингу от Деда три пятерки».

Вадим удивленно наморщил лоб.

– Викингу три пятерки? Вы не ошиблись? – переспросил он.

– Точно так и никак иначе, – подтвердил майор.

«Что случилось? – лихорадочно заработал мозг Вадима. – По коду, принятому в отделе, первая пятерка означала высшую степень готовности к бою, вторая –

сложность и опасность акции, а вот третья пятерка, выбиваясь из общего ряда, говорила о том, что все вышеперечисленное касается его лично. Именно не профессиональной деятельности, а частной жизни Викинга. Более чем странный сигнал передал Дед».

Вадим заметил в кармашке визитки, которую держал в руках майор, сотовый телефон.

– Вы разрешите мне позвонить?

– Пожалуйста, – мужчина достал мобильник, передал ему и отошел в сторонку.

Услышав голос секретаря Олега Петровича, Вадим попросил соединить его с ним. Галина сообщила, что Деда на месте нет, но подтвердила полученный сигнал и передала, что местным товарищам поручено помочь ему в срочном прибытии в Москву. Слово «срочном» она выделила особо. Вадим понимал, что более подробную информацию он может получить только на месте и, захлопнув крышку телефона, передал сотовый майору.

– Мне сообщили, что вы поможете с транспортом на Москву.

Тот посмотрел на часы и поднял глаза на Вадима.

– Через сорок минут с военного аэродрома уходит борт в Жуковский. Мы его немного задержали, попросили дождаться вас. Если мы сможем выехать в течение пяти минут, то успеем к вылету. Или второй вариант: в двадцать два часа вылетает рейсовый в Домодедово.

– Выезжаем на военный аэродром, – бросил майору Вадим и кинулся в дом.

Покидав в сумку свой нехитрый скарб, он выскочил на крыльцо и перецеловал на прощание тревожно ожидавших его тетю, дядю Ивана и Сережку.

– Срочно вызывают на службу. Извините, что так неожиданно. Вере передайте привет. Когда смогу вырваться, приеду. Спасибо за гостеприимство. Никогда так хорошо не отдыхал.

– Служба есть служба, – сурово крикнув, сказал дядя Иван. – Береги себя!

Потом, что-то вспомнив, придержал уже сходящего с крыльца Вадима за локоть, попросил задержаться на минуту и скрылся в доме. Скоро вернувшись, он протянул племяннику завернутый в белую холстину небольшой тяжелый предмет.

– Вот, возьми. Это наше семейное, вклемишевское. Дед твой хранил, мне передал, а сейчас, думаю, твоя очередь владеть им.

– Что это такое? – спросил Вадим, засовывая подарок в сумку.

– Долго объяснять. Увидишь – сам поймешь. Иди, ждут тебя, – сказал дядя и смахнул накатившую на глаза предательскую влагу. Уже от калитки Вадим крикнул дяде Ивану:

– Вопрос с вашим переселением я решил. Больше они к вам не приедут. Будут какие-то сложности, звоните, телефон я оставил. Счастливо!

Он помахал рукой и запрыгнул на заднее сиденье заведенной «Волги». Водитель резко взял с места, и машина покатила по узкому проулку.

Три пятерки не давали покоя Вадиму. Он тронул сидящего на переднем сиденье майора:

– Я в отпуске не очень хорошо следил за новостями. Ничего неординарного сейчас не намечается?

Тот понял подоплеку вопроса и улыбнулся.

– Ничего интересного, а тем более – тревожного до нас не доходило. Я бы даже отметил некоторый застой и во внутренних, и во внешних делах. Можно это объяснить летними каникулами, а возможно, и затишьем перед бурей. На Кавказе, правда, неприятные подвижки идут, но подробностей сообщить не могу, потому что не в курсе тех событий.

«Может быть, действительно вызов связан с работой по Чечне? А к чему же тогда эта третья пятерка, касающаяся меня лично, – недоуменно подумал Вадим. – Что тогда? Не иначе как на алименты какая-нибудь коварно обманутая девица подала? А что, очень даже интересная мысль и подходит под сигнал. Опасная ситуация и наивысшая степень готовности к отбитию атак. Несчастная брошенка блокировала Отдел и достала Деда, требуя вернуть к ней негодяя соблазнителя, и Олег Петрович в порыве отчаяния семафорит SOS своему питомцу».

Последняя версия, красочно нарисованная воображением, развеселила Вадима, и он, расслабившись, откинулся на спинку сиденья – скоро так или иначе все выяснится. Машина быстро летела по окружной трассе. Жаркий июльский воздух, врывающийся в открытые окна, веял полынью, чебрецом и еще чем-то неуловимо знакомым с детства, но забытым – очень терпким, степным...

Вернувшись в мыслях к недавнему «гостеприимному» отдыху у Леши-Верблюда, Вадим обратился к майору:

– Прошу прощения, как вас зовут?

– Игорь Павлович. Можно просто Игорь.

– Игорь, для личной информации, не подскажете, чем в городе знаменит гражданин, носящий в определенных кругах кличку Камил?

– Подскажу. Камил, он же Свиридов Алексей Евгеньевич, один из центровых, практически – лидер криминальной группировки, проходящей под названием «фабричная», по имени района, где она формировалась. Бывший спортсмен, судим по статье «хулиганство», отбыл срок. Руководит боевым крылом ОПГ, фактически – ядром организации, состоящим в основной массе из таких же бывших спортсменов. Всегда, а наиболее ярко – в начальный период деятельности, в первой половине девяностых, эта группировка отличалась особой жестокостью и цинизмом. Ходила такая поговорка, что, когда «камиловцы» приезжали на разборки, они сначала всех мочили, а уже потом начинали вникать в суть дела. А так как разбираться было уже не с кем, то правда, естественно, всегда была на их стороне.

– Интересная специфика, – усмехнулся Вадим.

– Очень интересная... «Камиловцам» приписывают большое количество убийств, в том числе и громких заказных, однако доказать это практически невозможно. Слишком уж качественно, даже профессионально они были подготовлены и исполнены. Вторая половина девяностых для «фабричных» прошла под флагом ухода от беспредела в легальный бизнес. Сегодня под их контролем находится порядка восьмидесяти процентов рынка реализации нефтепродуктов, вся дилерская сеть продажи автомобилей, два крупнейших торговых центра, а уж мелких базаров, магазинов и ларьков – так это без счета. Основное направление деятельности в настоящее время – передел собственности в сфере предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности. Это по хозяйственным делам. Помимо этого заметна активизация «фабричных» в местной политической жизни: внедрение своих кандидатов в выборные органы города и области, а также на более или менее значимые руководящие административные посты.

– Это мы уже проходили: слияние криминала с властью, – усмехнулся Вадим. – Очень знакомо по другим, более высоким сферам. Коррумпированные чиновники, распоясавшиеся олигархи, лоббирование интересов в органах власти, легализация теневых капиталов... И до глубинки этот процесс докатился.

– Совершенно верно, – серьезно подтвердил майор.

– И почему вы все знаете и не препятствуете?

– Почему? – свирепо зыркнул на Вадима глазами Игорь. – Могу задать похожий вопрос немного из другой области, возможно, близкой тебе, и сам на него ответить. Каким таким сверхъестественным способом в Первомайском Радуев сумел ускользнуть из тройного кольца блокады? Ответ: потому что команду «фас» не дали, а наоборот, расчистили ма-а-хонький такой коридорчик. А не поступило команды по одной простой причине – это кому-то, стоящему у руля, было выгодно. В детали, имена и факты, надеюсь, углубляться не будем?

– Не стоит, – пробурчал Вадим и отвернулся к окну. – Значит, говоришь, «камиловцы» самая жестокая и циничная боевая группа, ядро «фабричных»? – задумчиво спросил он через некоторое время.

– Именно так, – подтвердил Игорь. – И если верны наши данные, это идет от самого Камила. Причем жестокость его на уровне патологии. И еще один не

совсем понятный факт: ни он сам, ни его окружение не имели и не имеют достойной аналитической и оперативной базы для разработки финансовых, хозяйственных, политических да и серьезных криминальных акций, однако блестяще осуществляют многоходовые операции с далеко идущими стратегическими целями. Создается впечатление, что сценарии пишутся для них очень грамотной и талантливой рукой, но автор прячется в тени и, возможно, даже не у нас, а где-то на стороне. Были наметки, что след ведет в Москву – связаны они по экономическим делам со столицей, но разобраться в этом сложно, а точнее – не дают. По просьбе руководства отдела по борьбе с оргпреступностью мы начали разработку, но сверху пришло распоряжение отставить эту работу как неспецифическую. Оказывается, в службу поступил запрос из Комитета по законности и соблюдению конституционного порядка Государственной думы о правомочности нашей деятельности. Вот так-то! Напомнили, что сейчас не тридцать седьмой год и наша основная задача – нещадная борьба с врагом внешним, а не с демократическими преобразованиями и их активными проводниками в нашем свободном обществе.

– Тяжело в деревне без нагана! – посочувствовал майору Вадим.

– Куда уж тяжелее, – обреченно вздохнул тот. – Правда, сейчас появилась одна тема, которую поневоле выносят на уровень национальной безопасности: наркотики. Есть некоторые предположения, что эта сфера деятельности наших «фабричных» тоже стороной не обошла, – сообщил Игорь и, отвернувшись к окну, замолчал.

Приземистый «Ан-26» с прогретыми моторами уже ждал их на рулежной полосе. Техник, нетерпеливо дефилирующий по бетонке, помог подняться в самолет выскочившему из «Волги» Вадиму, залез сам, затащил в грузовой салон трап и захлопнул дверь. Из пилотской кабины выглянул летчик, мельком глянул на пассажира и крикнул сквозь шум двигателей:

– Ну что, все в сборе? Тогда покатили...

Моторы загудели сильнее, вибрация усилилась, и самолет, плавно снявшись с якоря, начал двигаться. Через несколько минут они уже были в воздухе. Техник подошел к Вадиму, устроившемуся на жесткой металлической скамье.

– Все нормально? – спросил он.

– Да, отлично. Когда прибудем в Жуковский?

– Примерно через час сорок минут. Если только не завернут на запасной.

– А что, и такое может быть? – с тревогой спросил Вадим.

– Запросто. Передали, на Москву мощный грозовой фронт идет. Если бы вы опоздали минут на пять, мы бы ждать больше не стали, улетели, чтобы успеть до циклона. И так уже месяц с лишним болтаемся. Летали в Анадырь, а там по трассе с погодой ужас что творится. На каждом аэродроме минимум дней по пять сидели, окна в облачности выжидали. Да еще за всякими попутными грузами зигзагами гоняли. Сейчас до дома уже рукой подать, а когда оно рядом, свербит, хочется побыстрее. Если что нужно, позовите, я в пилотской кабине буду. Захочется курить, окурки тушите вон в той банке.

Техник покачал стропу, проверяя крепление большого ящика, мельком глянул на остальные и, махнув рукой, зашагал в нос самолета.

На полпути вошли в густую облачность. За иллюминатором тянулся белесый туман. Самолет начало потряхивать и изредка кидать в воздушные ямы.

Вадим полез в сумку за сигаретами и наткнулся рукой на завернутый в тряпицу предмет, переданный ему на прощание дядей Иваном. Вытащив таинственный подарок, он развернул холстину и от неожиданности обомлел. На ладони лежал массивный желтый, явно золотой портсигар, сверкающий затейливым вензелем и расцвеченный мелкими разноцветными, по виду – драгоценными – камешками.

– Ничего себе подарочек. Что там дядя говорил: дедушка ему передал, а он мне? Это что же выходит – семейная реликвия? С какого переляку у нас в семье такие безделушки хранятся? – удивленно пробормотал Вадим.

Он осторожно нажал на маленькую кнопочку сбоку, и портсигар, мелодично заиграв «Боже, царя храни», открылся. На внутренней стороне крышки красивой вязью было что-то выгравировано. С трудом разбирая мелкие, раскудрявленные завитушками слова с ятями, изумленный Вадим прочитал дарственную надпись, увенчанную двуглавым орлом:

«Штабс-капитану лейб-гвардии Измайловского полка Андрею Веклемишеву за мужество и безмерную храбрость во славу Отечества Российского».

Ниже четкая подпись: «Его Императорское Величество царь Александр Третий» и под ней такой же, как на крышке сверху, витиеватый вензель, в котором теперь, уже зная, можно было разобрать разлаписто-ветвистую букву «А», перечерченную тремя полосками.

«Однако!.. – присвистнул растерянный Вадим. – Прямо какой-то граф Монте-Кристо с тайной аббата Фариа. Что же получается, я потомок этого самого штабс-капитана Андрея Веклемишева? Насколько помнится, в лейб-гвардии служили только дворяне и, как правило, не мелкопоместные. Выходит, мы голубых кровей? Вот уж чего не ожидали-с. И звание солидное – гвардейский штабс-капитан. Это где-то на уровне армейского подполковника, по седьмому классу в табели о рангах. Выше, полковниками, в лейб-гвардии были, если память не изменяет, члены императорской фамилии. Однако!.. А кем он мне может приходиться? Прадедом? Нет, по времени больше на прапрадеда тянет. И у дедушки отчество было Владимирович, следовательно, прадед звался Владимиром Андреевичем. Покопаться бы в архивах, может, остались какие-то сведения о предках. Дальше дедушки никого же не знаю. Социализм выровнял народ под одну гребенку по классовой справедливости и превратил всех в Иванов, не помнящих родства».

Вадим захлопнул портсигар, полюбовался его сверкающими камнями, удивленно покачал головой и, бережно завернув в холстину, аккуратно уложил на дно сумки.

«Что-то для одного дня сюрпризов многовато, – подумал он. – Сначала встреча с Верблюдом, потом портсигар. А впереди еще ждет тайна трех пятерок. Как бы перебора не случилось».

Усмехнувшись, Вадим промурлыкал под нос, чуть изменив слова, стилизованный жгучий романс: «Подайте патроны, поручик Голицын, корнет Веклемишев, надеть ордена...»

ГЛАВА 4. На пленэр

Самолет стало сильно трясти и бросать из стороны в сторону, вибрация усилилась. У Вадима было чувство, что он слышит, как жалобно и нутужно скрипит фюзеляж. За иллюминатором сгустился полумрак, изредка прорезаемый далекими всполохами грозы. Минут через десять машина стала снижаться – резко, как будто падать. Они вырвались из тучи и неожиданно близкая земля, расчерченная полосами лесопосадок и зелеными квадратами полей, уплывающими в пелену дождя, стремительно надвигалась, убыстряя свой бег в круглом экране иллюминатора.

Из крутого пикирования самолет на совсем короткое время перешел в горизонтальный полет и, раз, второй ударившись шасси о бетон, громко взревев напоследок двигателями, побежал, теряя скорость, по взлетно-посадочной полосе, густо омываемой ливнем. Сквозь мощные струи дождя едва-едва просматривались недалекие деревья за оградой аэродрома, гнущиеся под сильными порывами ветра.

Техник, довольно улыбаясь, вышел из пилотской кабины и спросил у Вадима:

– Как самочувствие? Нормально? Вот и отлично. Едва через грозу пробились. Нас уже хотели разворачивать на Рязань. Хорошо, что на вышке ребята знакомые попались, дали добро на посадку. Заводили напрямую – если бы ушли на коробочку над аэродромом, то могли не успеть.

В подтверждение его слов салон озарила ярким светом близкая молния, и оглушительный грохот грома, казалось, встряхнул дюралевый фюзеляж самолета.

– Я же говорил, вовремя прорвались, – показал пальцем за борт техник. – И еще с вышки передали, что вас уже ждут.

– Спасибо, ребята, – поблагодарил Вадим. – Незабываемый полет, особенно в финальной части.

– Наш командир еще не такое может, – махнул головой в сторону кабины техник. – Однажды в Тикси вслепую садились. Попали в снежный заряд с ураганными порывами бокового ветра. До запасного дотянуть горючего уже не хватало. На полосе с трудом удержались – юзом шли. А наутро аэродромщики

самолет едва откопали, сугроб до самой кабины намело. Петрович у нас молодец – две Красные Звезды за Афганистан имеет.

Самолет качнуло, он остановился, и двигатели, плавно снизив обороты, затихли. Стал слышен глухой монотонный шум бьющего по корпусу дождя. Техник открыл люк, и в салон ворвался прохладный воздух, наполненный свежестью и озоном.

– А это, наверное, вас встречают: карета подана, – сказал он и стал выталкивать наружу трап.

Вадим, подхватив сумку, подошел к двери и увидел рядом с самолетом белую «Ниву» со знакомыми номерами. Пожав на прощание руку технику, он сбежал вниз, в несколько прыжков добрался до автомобиля и, раскрыв дверку, плюхнулся на сиденье рядом с Самсоном. Быстрота передвижения не спасла его от падающего сплошной стеной дождя, и на чисто вымытые коврики с туфель потекла вода.

– Поаккуратнее, замочишь мне все, – пробурчал Самсон, всегда ревниво относившийся к чистоте и порядку в своей машине. – Привет, Викинг! Как отдохнул?

– Привет! Отдыхать всегда хорошо. Что у вас с погодой творится? «И разверзлись хляби небесные!» Два часа назад на солнышке нежился, тут на тебе: буря, гром.

– Дня три собиралась непогода и вот наконец разродилась. Я завтра с Настенкой в зоопарк хотел пойти, давно обещал, но, видно, не судьба. А тут еще этот вызов... Дед дал неделю отгулов, а сегодня срочно выдернул тебя встречать. Что случилось-то? Вроде еще рано на службу выходить?

Вадим в изумлении воззрился на Самсона:

– Понятия не имею. Я думал, от тебя услышу, зачем меня вытащили, а ты, смотрю, сам ничего не ведаешь?

– Откуда? Утром часов в десять позвонила секретарь Галина и передала распоряжение Деда: из отпуска я отозван, должен встретить тебя и доставить на квартиру в Сокольниках – знаешь нашу точку. Пока разобрались, где тебя ловить, полдня прошло.

– А пятерки тебе не передавали? Мне какой-то странный сигнал пришел: три пятерки.

– Нет, Галина сообщила только устное распоряжение Олега Петровича и все. Никаких пятерок... Эх, хорошо бы все твоей встречей и закончилось. Так я хотел с Настенкой позаниматься, а то месяцами малышку не вижу.

Настя – любимое и позднее шестилетнее чадо Самсона, была предметом его гордости и обожания. Женившись уже к сорока годам, когда перешел на инструкторскую работу, Толя, как было его настоящее имя, боготворил миниатюрную и хрупкую жену, казавшуюся рядом с мощным мужем эфемерно-воздушным невесомым созданием, и не мог надышаться на дочурку.

Вряд ли человек, близко не знающий Самсона, сумел бы догадаться, что эта глыба, с лицом пьющего сантехника и хриплым басом, может проявлять такую глубокую нежность и заботу о близких. И сомнительно, поверил бы посторонний, глядя на его огромные ладони, размерами мало уступающие лопате, заскорузлые с виду пальцы, что Толя не только профессионал-боец и подрывник, а еще и великолепный специалист в области радиоэлектроники и компьютерной техники. И эти толстые неуклюжие пальцы-сардельки на деле умели тщательно и нежно выполнять сверхчувствительную работу, под стать микрохирургу, с которой редко кто мог справиться.

Правда, сам Толя любил играть роль несколько туповатого и ограниченного мужлана, в пику своему лучшему другу Доктору, изображавшему из себя тонкого возвышенного интеллектуала, каким вряд ли являлся на самом деле.

– Так, значит, говоришь, три пятерки... Очень странно! – задумчиво сказал Самсон. – Если дело касается тебя лично, зачем тогда Дед выдернул меня? Странно! Да бог с ними, этими пятерками, приедем на место, все узнаем. Кстати, в следующую субботу у Насти день рождения, приглашаю тебя на него. Андрюхе-Доктору передал, Сережка-Мао с Маринкой будут, ты тоже знаешь, – перечислил гостей Самсон. – Слушай, Вадим, может, и Деда пригласить? Как-

никак юбилей у Настены.

– Какой такой юбилей? Насте же шесть лет исполняется.

– Ну правильно! Она в этом году в школу идет, следовательно, переломный год, значительный.

– Сам ты переломный, – засмеялся Вадим. – Совсем утом от любви к дочке поехал. Не обижайся, шучу. А Олега Петровича пригласи обязательно, ему приятно будет.

На въезде в Москву ливень, с которым коротенькие «нивовские» щетки, натужно ползая по лобовому стеклу, справлялись с трудом, стал стихать, и, когда они свернули со Стромынки и подъехали к ничем не примечательному девятиэтажному жилому дому, дождь прекратился вовсе. Сквозь мрачно плывущие тучи стало потихоньку пробиваться солнце. Самсон аккуратно припарковался к стоящей на площадке у подъезда санитарной «Газели» и заглушил двигатель.

– Ну пошли, отпускник, сдам тебя с рук на руки. Главное, чтобы Деда не было, иначе он обязательно мне какое-нибудь дело найдет, и тогда пропали отгулы. У него же как у хорошего старшины: если солдат не пашет в поте лица, значит, склонен к нарушению воинской дисциплины.

Они позвонили в ничем не примечательную металлическую дверь. Открыл Доктор.

– Богатым, Андрей, будешь, недавно о тебе вспоминали, – улыбнувшись, пробасил Самсон, но, оглядев чересчур хмурое лицо друга, тревожно спросил: – Что случилось? Почему нас так резко сорвали?

– Проходите, Олег Петрович вас ждет. Он все объяснит, – сухо сказал Андрей и шагнул из прихожей в комнату.

В большом зале кроме Деда, внимательно изучавшего какие-то бумаги, за столиком у окна сидел начальник аналитического центра их отдела Коля Серов, а из смежной комнаты доносился активный стук по клавиатуре компьютера и

характерное жужжание работающего принтера.

– Садитесь, – коротко кинул прибывшим Олег Петрович и углубился в чтение.

Серов подошел к нему, положил на стол еще пару листов с текстом и карандашом отчертил на них несколько абзацев. Дед быстро пробежал выделенное Колей, одобрительно кивнул и поднял глаза на примостившихся паиньками на диване подчиненных. Его взгляд поверх сдвинутых на кончик носа очков, мельком пробежав по Самсону, остановился на Вадиме.

– Как твоё здоровье? – осведомился он.

– В порядке. Восстановился практически полностью! – бодро отрапортовал Вадим. – Спасибо физзарядке...

– А как настроение?

– Отличное.

– Молодец! Вот его я тебе сейчас и испорчу, – загадочно и многообещающе покачал головой Дед.

– Третья пятерка? – вопросительно поднял брови Вадим. – В чем же я провинился? Какая опасность подстерегает меня в темной подворотне?

– Не ерничай! – нахмурился Олег Петрович. – Опасность подстерегает, да только не тебя, балбеса, а другого человека. И, насколько я понимаю своим старческим умом, далеко не безразличного тебе. И не только его, но и самое дорогое, что у него может быть.

– Что случилось? – сразу посерьезнел Вадим.

– Сегодня утром на меня вышла Надежда Алексеевна. Думаю, не надо уточнять, какая. Когда она пыталась найти тебя еще до отъезда, у нее остались наши контактные телефоны и женщина ими воспользовалась. Надежда, собственно, хотела говорить с тобой, однако узнав, что ты в отпуске, попросила Галину соединить со мной. Мы с ней в Сьерра-Марино недолго контактировали, и она

была в курсе, что я твой начальник. У Надежды очень серьезные неприятности, если это можно так назвать. Мы сейчас с Николаем разбираемся, и, похоже, ее тревога и опасения имеют довольно крепкие основания.

– Олег Петрович, объясните мне толком, в чем дело? – взволнованно попросил Вадим.

– Не перебивай, сейчас все расскажу. Ты в курсе, что у нее на работе не совсем все ладно?

– В общих чертах. Перед командировкой в Сьерра-Марино мне дали поверхностную информацию, и в документах, которые вы по моей просьбе туда пересылали, говорилось, что Надежду отстранили от крупного дела по нефтяной компании, которое она раскручивала, и срочно отправили расследовать убийство Осколовых. Насколько мне известно, это было предпринято с целью ее нейтрализации, если не устранения. Господи, какой же я идиот! – схватился за голову Вадим, до которого наконец дошла очевидная острота положения женщины. – Если Надежду смогли достать на другом континенте, а похищение там было связано с профессиональной деятельностью в Генеральной прокуратуре, то здесь, в России, она постоянно жила под дамокловым мечом, который мог поразить ее в любое мгновение. И она звонила, искала меня, нуждалась в помощи, а я уехал поправлять свое драгоценное здоровье и не связался с ней.

– Истерики, заламывания рук и битья головой о косяк в порыве искреннего раскаяния, надеюсь, не предвидится? – деловито осведомился Олег Петрович.

– Не дождетесь, – зло сообщил Вадим. – Что с Надеждой?

– Пока ничего. Все, что ты сейчас сказал, верно в общих чертах. Почему в общих? Да потому, что деталей не знаем ни ты, ни я. Да и сама Надежда Алексеевна может только предполагать, причем с долей уверенности, стремящейся к нулю, чьих рук дело похищение ее дочери.

– У нее похитили дочь? – воскликнул потрясенный Вадим. – Кто? Почему? Было бы понятно, если бы предприняли какие-то действия по отношению к ней лично. При чем здесь ребенок?

– Не все так просто. Надежда Алексеевна, понимая, какие тучи сгущаются над головой, предприняла определенные меры, которые, по мнению женщины, должны были защитить ее. Но, похоже, она просчиталась, не оценив должным образом противника. Расследуя дело по незаконной приватизации нефтяной компании «Сибвест», она случайно потянула за неприметную ниточку и неожиданно для себя, а еще больше – для тех, кто участвовал во всех темных делах, вышла на действия средних, а потом и высоких чиновников, в том числе и приближенных к кремлевскому «телу». Предоставление незаконных налоговых льгот, прямые и косвенные взятки, тайные счета высших должностных лиц в зарубежных банках – это далеко не полный перечень открытий Надежды Алексеевны. Естественно, ее деятельность вызвала сначала недовольство, а затем и откровенное беспокойство высокопоставленных фигурантов дела. Начался активный прессинг руководителей Генпрокуратуры и ее самой, естественно. Надежда Алексеевна не хотела сдаваться, и в ее адрес посыпались прямые угрозы. Начальство было более покладистым, и как раз в это время подвернулось дело Осколовых. Непокорного следователя отправили в почетную ссылку. Что было там, ты знаешь лучше меня – сам вытаскивал ее из неприятностей.

– Да уж, знаю... – задумчиво пробормотал Вадим, переваривая полученную информацию. – Откуда вам стали известны такие подробности: это она по телефону сообщила?

– Ты меня за ребенка держишь? – обиделся Олег Петрович. – Дослушай до конца, а потом задавай дурные вопросы. Когда она вернулась, оказалось, что дело по «Сибвесту» закрыли, а ее саму в порядке так называемых оргмероприятий переводят в областную прокуратуру. И еще Надежде Алексеевне стало известно, что основная масса компрометирующих документов из дела исчезла. Состоялся крупный разговор с руководством, во время которого женщина в пылу выдала информацию, что перед отъездом в Сьерра-Марино она, предвидя такой поворот событий, скинула все собранные сведения по «Сибвесту» и, соответственно, коррупции высших должностных лиц на дискету, хранящуюся в надежном месте. Можно только гадать и строить предположения, пошла данная утечка на пользу или во вред Надежде.

– Конечно во вред, – воскликнул Вадим. – Она же этой дискетой сама себе подписала смертный приговор.

– Не торопись с выводами, – остановил его Дед. – Когда ты ее освобождал, во время боя в бухте от случайной пули погиб младший из Монтуровых, владельцев «Сибвеста», так называемый Монгол. Ты думаешь, его старший брат Монах не подписал ей этот самый приговор? Он прекрасно понимает, что прямо или косвенно, но именно Надежда виновата в смерти Монгола. И если ее смогли достать в Сьерра-Марино, то уж дома шлепнуть строптивую дамочку, ныне даже не следователя-«важняка» Генпрокуратуры, а вполне заштатную гражданку, можно без особых хлопот. Может быть, эта дискета спасла ей жизнь. Но, повторю опять, пока это не больше чем предположения – и наши, и Надежды Алексеевны.

– Что случилось с ребенком? Как похитили девочку?

– Сегодня утром Надежда собралась на выходные к своей матери, которая живет в Истре и где сейчас отдыхает, вернее – отдыхала, ее девятилетняя дочка. В восемь утра в квартире раздался телефонный звонок. Незнакомый мужчина без обиняков и предисловий предложил женщине передать ему злосчастную дискету с материалами по «Сибвесту». Надежда, естественно, возмутилась, попыталась сказать, что не знает ни о какой дискете. Мужчина довольно подробно описал, когда и как она копировала материалы, и категорично предложил ей подумать о выгодной сделке, как он назвал передачу дискеты в обмен на жизнь ее дочери. Потом сообщил, что перезвонит через пятнадцать минут, и положил трубку.

– Чтобы Надежда убедилась, что девочка действительно похищена?

– Вероятно, именно для этого. Надежда кинулась звонить в Истру матери. У той своего телефона нет, но есть у соседей. Мать совершенно спокойно рассказала, что вчера вечером приезжал бывший муж Надежды, отец девочки. Он забрал ребенка, объяснив, что возвращается из командировки и по дороге заехал по просьбе Надежды, которая очень соскучилась по дочке и попросила привезти ее на выходные в Москву. Мать Надежды, глубоко уважающая бывшего зятя, известного адвоката, считавшая, что в разрыве семейных отношений виновата дочь, без колебаний отдала ему девочку. Надежда стала звонить бывшему мужу домой и в офис. Случайно, а может быть и неслучайно, оказавшаяся на месте секретарша сообщила, что шеф взял отпуск на неделю и в пятницу отбыл в неизвестном направлении.

– Следовательно, бывший муж замешан в похищении девочки? – напряженно спросил Вадим.

– Это можно только предполагать. Он не терял связи с дочкой и иногда встречался с ней, брал на выходные. Правда, всегда договаривался об этом с матерью.

– А в этот раз?

– Надежду он не извещал, что заедет за девочкой. Сейчас мы ничего не можем утверждать. Вполне могло стать, что он действительно возвращался из командировки и по дороге заехал за дочерью и забрал ее, не имея возможности сообщить об этом матери. Один из вариантов, что отец вместе с ребенком был похищен шантажистами. Реален он или нет, покажет будущее. Второй – что он сам замешан в похищении.

– Но в этом случае он должен понимать, чем это ему грозит?

– Ничем. Опытный юрист, адвокат, состроит удивленную мину и заявит, что пользовался своим правом отца на общение с любимым чадом и слыхом не слыхивал о каком-то шантаже и угрозах бывшей жене. Все очень даже логично. Как сказал кто-то из великих, кажется конструктор-оружейник Шпагин: «Делать сложное просто, делать простое – сложно!» Сценарий немудреный, но написан талантливо.

– И потом был звонок?

– Да, через пятнадцать минут позвонил тот же мужчина и вежливо осведомился, убедилась ли Надежда в серьезности его намерений и конструктивности предложений. Несмотря на очень сильное волнение, а если точнее – панику, Надежда Алексеевна начала вести с ним переговоры. Она сообщила, что такая дискета действительно существует, однако передана на хранение человеку, которого сейчас нет в Москве, и связаться с ним будет возможно не ранее понедельника, так как он находится в командировке. Шантажист любезно согласился с ее доводами, сказав, что время терпит, однако безапелляционно определил крайний срок получения дискеты: вечер понедельника, до двадцати двух часов. Еще он предупредил, чтобы Надежда не пыталась делать глупых шагов и не связывалась с правоохранительными органами. В противном случае,

если не будут выполнены эти условия, собеседник пообещал прислать ей очень интересную посылку, о содержимом которой нетрудно догадаться.

– Он прав. Никакая милиция не примет заявление и не начнет искать ребенка при данном раскладе. Любящий отец взял дочь на выходные. Никакого криминала, все выглядит естественно и очень мило.

– Кроме того, Надежда прекрасно понимает, что в этом деле замешаны слишком серьезные фигуранты, которые владеют ситуацией, и, уж если имеют свои каналы в Генпрокуратуре, без всякого сомнения вошли и в наши доблестные органы правопорядка. Она просчитала все это и попыталась найти тебя, но, ввиду твоего отсутствия, вышла на меня и попросила о помощи.

– Этот разговор не могли вычислить?

– Нет, Надежда поступила разумно. Она звонила от соседки. Как оказалось, это был предусмотрительный шаг. Мы поставили ее телефон и квартиру на прослушивание, но перед этим проверили линию и обнаружили, что она уже на контроле. Стоят две закладки: один неприметный жучок в телефонном аппарате, второй – в уличной распределительной коробке. Не исключено, что сама квартира также прослушивается и за домом ведется наружное наблюдение. На улице ничего подозрительного не обнаружено, но вокруг немало зданий, где без проблем можно организовать «гнездо».

– Работает серьезная контора? И вполне может случиться, официальная?

– Насчет конторы и ее принадлежности данных нет, а вот в том, что этим занимаются серьезные люди, сомнений не возникает. В распределкоробку, чтобы не привлекать внимания, не полезли, а жучок в телефоне изучили очень внимательно. Опустили одну из недавних японских разработок, такая в свободной продаже еще не появлялась. Радиус устойчивой передачи сигнала порядка километра, автономный микроисточник питания обеспечивает бесперебойную работу в течение месяца. Высокотехнологичная штучка.

– Следовательно?!

– Предположений никаких. Сейчас развелось множество частных агентств и всяческих охранных фирм и фондов ветеранов, не считая собственных служб

безопасности организаций, состоящих из бывших работников спецслужб – для них подобные игры и оборудование вполне реальны. Надо идти от самого худшего: против нас работают профессионалы.

– Как связывались с Надеждой? Могу я сделать это? – спросил Вадим.

– Короткий разговор устроить можно и даже нужно, чтобы как-то успокоить ее, а вот непосредственное общение, считаю, нецелесообразно. Контакт с Надеждой Алексеевной налаживал Андрей. Организовали простенькое прикрытие: он попал в дом под видом врача «Скорой помощи».

– Подъехал на санитарной «Газели». Это она около подъезда стоит? – вспомнил Вадим.

– Роль фельдшера исполнял специалист по электронному оборудованию. Пока тот налаживал коммутацию прослушивания в квартире, Андрей побеседовал с Надеждой у соседей. Хозяйка уехала на дачу и оставила ключи. Надежда Алексеевна внешне вела себя в общем-то спокойно, но чувствовалось, что спокойствие дается ей очень тяжело. Андрей записал разговор на диктофон. На основе этой информации мы начали работать. Пока находимся в режиме молчания, но в случае острой необходимости можем дать сигнал и вызвать Надежду на связь так же, как и она нас, по «маячку», – Дед кивнул на плоскую коробочку, лежащую на столе. – Загоревшийся красный индикатор – вызов ей на телефонные переговоры в квартире соседки.

Вадим посмотрел на коробочку, потом просительно на Олега Петровича. Тот утвердительно кивнул головой.

– Сейчас свяжешься. Обязательно передай Надежде, что в случае, если будет звонок от похитителей, а я думаю, он должен быть обязательно – сегодня, завтра или даже в понедельник, – она обязательно должна потребовать у них телефонный разговор с дочкой. Это вполне естественное желание матери и вряд ли вызовет подозрение. Пускай настаивает, ругается, плачет, грозит, что не отдаст дискету, но этот разговор должен непременно состояться.

Вадим взял в руки «маячок» и нажал на кнопку. Загоревшаяся красная лампочка индикатора подтвердила, что сигнал передан. Через пару минут зазвонил телефон. Вадим снял трубку.

– Надя, это я, Вадим. Как ты себя чувствуешь?

Секунда тревожного молчания сменилась горькими безудержными всхлипываниями на том конце провода. Похоже, мужественное поведение женщины, ее внешнее спокойствие, скрывающие тревогу за жизнь дочери, материнское отчаяние, дали трещину, прорвали эмоциональную оболочку, едва она услышала его голос.

– Надя, успокойся. Все будет хорошо. Мы найдем девочку, – попытался успокоить женщину Вадим.

– Почему ты не позвонил, не нашел меня? – сквозь слезы жалобно спросила Надежда. – Мне очень плохо!

– Извини, я... боялся нашей встречи. Наверное, был просто идиотом. Прости меня!

– Вадим, милый, помнишь, на том проклятом острове я тебе сказала, что есть человек, ради которого я обязана выжить? Это моя дочь. Сейчас я готова отдать свою жизнь, лишь бы с ней ничего не случилось. И помнишь мои слова о том, что ты еще не спас мою душу? Сохрани жизнь моей дочери, как сохранил мою, и этим ты спасешь мою душу. Ты единственный, кому я могу верить...

– Надя, прошу тебя, успокойся, – стараясь придать голосу твердость, сказал Вадим. – Я обещаю, что с девочкой ничего не случится. Прекрасно понимаю, как тебе тяжело, но прошу об одном: не пытайся ничего предпринять и води себя как можно спокойнее и естественнее. Да, ты крайне встревожена, ты в отчаянии, но твердо стой на своем: дискета будет им передана в понедельник вечером. Еще одна просьба: потребуй встречи или беседы по телефону с девочкой. Это нормальное желание матери, которая хочет убедиться, что с ее ребенком ничего не случилось. Настаивай на своем и, по возможности, затягивай телефонный разговор. И последнее: вероятно, мы не будем выходить с тобой на связь, чтобы похитители случайно не обнаружили, что против них начали действовать. Не волнуйся, мы работаем. Хотя... Подожди секунду, сейчас я кое-что уточню.

Вадим отнял от уха трубку, прикрыл ее рукой и перекинулся несколькими фразами с Олегом Петровичем. Тот ненадолго задумался и, согласившись, кивнул головой.

– Надя, в течение максимум полутора часов к тебе в дверь позвонит соседка, которой срочно понадобится... Что сейчас может быть остро необходимо? Соль... сахар...? А, вот, нашел, уксус для засолки овощей или маринования – разберетесь сами. Ты должна разговаривать с женщиной вполне естественно, как с хорошей знакомой. Разговор закончишь быстро, сошлешься на болезнь, что вполне естественно в твоем положении. Передашь ей ключи от квартиры соседей. На всякий случай, для подстраховки и координации, посадим туда наших людей. Твоя квартира нами прослушивается, поэтому ничего не бойся, если будет что-то неординарное, тебе помогут. И еще помни, я рядом. Как там у Бернса: «Ты свисти – тебя не заставлю я ждать», – бодро сказал Вадим, пытаясь поддержать женщину.

– Спасибо, Вадим, – негромко произнесла Надежда. – Я верю и надеюсь на тебя. Прошу, спаси мою дочь, спаси мою душу!

Вадим положил трубку на телефонный аппарат и в сердцах запустил длинную тираду с долгим и подробным перечислением анатомических и моральных особенностей шантажистов, а также их родственников. Выплеснув избыток злости, он повернулся к коллегам и встретил спокойные, уверенные взгляды Олега Петровича, Самсона, Доктора и аналитика Коли Серова. Короткое молчание прервал Дед.

– Так, соколы-орелики, будем считать, что информационно-эмоциональная часть спектакля завершена и пришла пора переходить к реалиям нашего скорбного бытия. А они на сей момент зело унылы и совершенно бесперспективны, – резюмировал Олег Петрович и, хитро прищурившись, оглядел своих подчиненных.

– Это почему же бесперспективны? С каких таких ежеиков? – удивленно пробасил Самсон.

– По разным причинам. Во-первых, задачка, которую нужно решить, имеет огромное количество вариантов, усложняющихся множеством неизвестных и строго ограниченным временем. Можно без особого труда, навскидку, назвать

около сотни человек, кровно заинтересованных в получении дискеты, а если точнее, в том, чтобы ее не существовало. И каждый из них мог организовать похищение девочки для последующего шантажа. Проверить каждого за двое с небольшим суток, что остались до контрольного срока, нереально. Вторая причина, может быть, самая главная: санкцию на проведение этой операции нашему отделу никто не даст. Почему? Объясняю для особо бестолковых по пунктам. Пункт первый: назначение нашего отдела не соответствует профилю этой акции и сомневаюсь, что кто-то из непосредственных руководителей службы возьмет на себя ответственность за выполнение нами несвойственных задач. Во-вторых, на согласование с вышестоящими товарищами, – Дед многозначительно ткнул пальцем на потолок, – уйдет столько времени, что на конкретное исполнение останется не более чем шиш да маленько, а значит, этим заниматься бессмысленно. А в-третьих, нельзя отрицать, что при подобном согласовании возможна утечка информации, которая выхолостит операцию, если не приведет к печальному исходу еще до того, как мы начнем что-либо делать.

Олег Петрович сделал долгую паузу и внимательно оглядел нахмурившихся «ореликов».

– Это что выходит? Что мы бросим в беде женщину, у которой украли ребенка? Да кто мы будем после этого? – возмущенно сказал Самсон, и его лицо начало наливаться кровью. – Да если у меня кто Настену пальцем тронет, в порошок сотру любого, будь он хоть самым высокопоставленным. Мигом превратится в самого низкоопущенного.

– Не дело, Олег Петрович. Как-то не по-людски получается, – негромко сказал молчавший до этого Доктор.

– А ты что скажешь, наш скромный аналитик? – Дед обратил взор на Колю Серова.

– Скажу то, что и остальные – надо помочь Вадиму. Если это невозможно сделать официальным путем, значит надо как-то по-другому, обходными путями попробовать, по-тихому – это мы умеем делать.

– Молодцы! – с сарказмом протянул Олег Петрович. – Значит, законность, служебная дисциплина, правопорядок вам побоку. Я всегда знал – как вас ни

воспитывай, все равно вы были и остаетесь самыми натуральными махновцами: «Бей красных, пока не побелеют, бей белых, пока не покраснеют». Ну и бандюги! И начальство им не указ! И закон для них не писан!

Он еще раз осмотрел своих подчиненных, остановил взгляд на застывшем Вадиме и со вздохом произнес:

– Ладно, бандитствовать, так бандитствовать! Первый раз, что ли? – и сразу поднятой ладонью остановил одобрительные возгласы питомцев. – Спокойно! Радоваться будем, когда дело сделаем. Я иду на это ради Вадима, хотя есть и еще одна причина. Не буду делать секрета, все равно в ближайшее время это станет вам известно. Три дня назад у меня состоялась беседа с руководителем службы. Не буду особенно вдаваться в подробности, скажу только, что мы с ним сошлись во мнении, что строго ограниченная направленность нашего отдела на зарубежные операции в последнее время себя не оправдывает. Большую обеспокоенность вызывает внутренняя обстановка в стране в плане террористической угрозы. А этому способствует то, что мы с вами сейчас изучали на примере «Сибвеста»: криминализация власти, коррупция, передел собственности кланами, все еще нарывающий фурункул чеченского сепаратизма, замешанного на международном терроризме, незаконный оборот оружия, вал наркотиков. И все это на фоне беспредельных силовых методов решения своих проблем легализующимся криминалом.

– Детишек уже красть стали, – искренне возмутился Самсон.

– И это тоже верно, – глянул на него поверх очков Олег Петрович. – Короче, будем смотреть на данную операцию как на учебно-тренировочную на незнакомой территории, какой для нас является Россия. О проведении тренажа я никому докладывать не намерен – это внутреннее дело отдела, забитое в учебную программу. Единственное условие: все наши действия не должны потревожить законопослушную часть народонаселения страны и уж ни в коем случае не должны подставить службу и, соответственно, отдел. Назовем это командно-штабными учениями на местности с привлечением части боевых подразделений.

– Выход на пленэр, – томно закатив глаза, уточнил Доктор.

– Куда выход? – услышав его, подозрительно спросил Олег Петрович.

– Художники выходят в поля, леса, писать пейзажи с натуры. Называется пленэр. Есть такое изысканное французское слово, – соорудив безмятежную физиономию, пояснил Андрей.

– То, что вы вольные художники, я прекрасно знаю, – грозно повысил голос Дед. – Но еще раз предупреждаю, что головы поотрываю, если информация об операции уйдет наружу или кто-то засветится. Мигом налетят правдолюбцы, засыпят запросами из Думы, богаделен по правам человека и прочих «зеленых» фондов. И хорошо, если это произойдет по окончании нашей работы, надеюсь, что успешном. А если спохватятся раньше? Вам смешки да хаханьки, а мне потом отплевываться от всех.

Олег Петрович перевел дух и спокойно продолжил:

– Итак, командно-штабным учениям по предложению начальника медицинской службы отдела майора Изметьева присваиваем кодовое название «Пленэр». Руководителем операции назначаю начальника оперативного отделения подполковника Салтыкова.

– Нормально, – шепнул Самсон Вадиму. – Мао тоже с нами.

– Начальником штаба и его первым заместителем назначаю подполковника Калганова, – грозно из-под бровей взглянув на Толю, определил его статус Олег Петрович.

– Можно, я буду комиссаром, – прыснул в кулак Доктор.

– А ты назначаешься клизмой с оптическим прицелом, – рассвирепел Олег Петрович, вспомнив освоенную Андреем смежную специальность снайпера. – Заткнешься ты, свисток, или нет? Не в игрушки играем, а в человеческие жизни.

– Извините, пожалуйста, Олег Петрович, случайно вырвалось, – посерьезнел Андрей. – Больше не повторится.

– Тебе, Вадим, не даю никакой должности, это и так твое кровное дело, – подытожил Олег Петрович. – Времени у нас в обрез, поэтому принимайтесь за работу. Даю сорок минут на разработку предварительного плана действий.

Думаю, Сергей Салтыков к его утверждению как раз и подтянется.

– А где он сейчас? – спросил Вадим.

– Поехал за дискетой, – не вдаваясь в подробности, коротко сообщил Олег Петрович.

Сергей-Мао появился чуть раньше намеченного срока, минут через двадцать. Поздоровавшись, вместо ответа на немой вопрос Деда вынул из кармана конверт и бросил на стол.

Самсон открыл его, достал черную дискету без обычной цветной наклейки, изучая, повертел в руках и направился в соседнюю комнату к компьютеру.

– Она? – спросил Олег Петрович.

– Да, – коротко ответил Сергей. – Все прошло без особых эксцессов. Я сказал условную фразу, которую сообщила Надежда Алексеевна, и он без вопросов ее отдал. Мужик понятливый. Когда я посоветовал ему до среды с семьей куда-нибудь уехать – подальше и чтобы никто не знал, куда именно, без лишних вопросов стал собираться. Сейчас уже должен быть в дороге. Запасные ключи от его дачи у меня.

– Отлично, – сказал Дед. – Принимай командование, входи в курс дела. Жду доклада о плане операции. Мне через полчаса надо выезжать на дачу. Жена собралась огурцы консервировать, а я, понимаешь, главный по их закрутке.

Вадим и Доктор с изумлением посмотрели на Олега Петровича.

– А как же «Пленэр»? – осторожно спросил Андрей.

– Все по плану. Начальник у вас есть, он же согласно учебному плану – руководитель командно-штабных учений. А мне не вредно посидеть в сторонке. Вдруг кто-то особенно любознательный, когда пойдут непонятки с вашими пейзажами с натуры, заинтересуется мной, а я без забот по-стариковски на дачке в земле копаюсь, сурепку окучиваю. Глянут, да и уберутся восвояси.

– Вот хитрый змей, – прошептал на ухо Вадиму Доктор. – Все предусмотрел...

– Связь со мной по ЗАСу. Дайте команду, чтобы в мою машину и на ваш аппарат ввели новые коды, да не по установочной таблице, а разработали свои – на каждые сутки новый набор. И частоты пускай подберут плавающие, нестандартные. Сеанс связи и доклад через каждые четыре часа.

Олег Петрович на секунду задумался и потом хмуро поднял глаза на «пленэровцев».

– И еще просьба: оружие применять только в случае крайней необходимости, когда вашей жизни грозит явная опасность. Хотя и без оружия вы можете наложить штабелей. Постарайтесь, ребятки, обойтись без лишней крови.

ГЛАВА 5. Есть на Волге утес

Олег Петрович внес небольшие поправки в представленный план, а вернее – в его наброски, а если быть совсем точным – горькие слезы оперативного штаба, и отбыл на дачу, оставив «пленэровскую» команду на хозяйстве. Дополнительные данные с дискеты не добавили ясности и конкретики, а лишь расширили круг лиц, заинтересованных в получении этой информации и, соответственно, внесли лишнюю смуту и даже некоторую растерянность в умы. Какая-либо стройная схема действий или хотя бы ее подобие никак не выстраивалась.

Естественно, основным подозреваемым по делу проходил глава компании «Сибвест», старший из братьев Монтуровых, именуемый в определенных кругах Монахом. Самсон вместе с Семой, фанатичным и талантливым двадцатилетним хакером, неизвестно где подобранным Дедом, трудились над тем, что взламывали компьютерную сеть «Сибвеста». Складывалось впечатление, что за два года, проведенных в отделе, Семен так и не понял, где и чем он занимается. В его распоряжении было несколько сверхновых мощных компьютеров, и он дневал и ночевал в виртуальном мире. Похоже, что задачи, которые ставились перед Семеном, являлись для парня не более чем игрой, наркотиком, а также непрекращающейся энергетической подпиткой, а вовсе не приземленной работой в реальном мире.

Сейчас он с азартом ломал защиту компьютерных программ «Сибвеста», добывал дополнительные сведения о компании и лично Игоре Витальевиче Монтурове, русском, дважды судимом, в настоящее время генеральном директоре нефтяного холдинга. Как оказалось, компания добывала и перерабатывала всего лишь около семи процентов общего объема российского «черного золота», как любили величать нефть в светлые и счастливые дни развитого социализма.

Самсон работал на втором компьютере, помогая Семену путешествовать по сети «Сибвеста» и вытягивать необходимые данные. Одновременно он оптимизировал полученную информацию вместе с Серовым, загоняя ее в строгие аналитические рамки.

Как выяснилось, эти крохотные семь процентов добычи на деле оборачивались многими сотнями миллионов долларов и евро, вращающихся по сложным, порой очень странным траекториям, проплывающих по банкам и счетам различных компаний в близких и далеких странах и, как правило, исчезающих в темных омутах офшоров. Потом, внезапно возникнув из небытия, эти деньги устремлялись в очередной финансово-орбитальный полет к сияющим высотам богатства и процветания «Сибвеста» и узкого круга его руководителей. Появлялось чувство, что закон дедушки Ломоносова о сохранении вещества и энергии здесь теряет актуальность, не вписывается в общую гармонию российского бизнеса и, конкретно, в скромную деятельность тружеников небольшой нефтяной компании.

Один файл со служебной запиской не более чем десятидневной давности, от руководителя финансово-экономического департамента холдинга генеральному директору Монтурову И.В. заслуживал внимания. Объемистая и подробная докладная проходила под грифом «секретно». В ней утверждалось, что за последний год «Сибвест» понес весьма значительные потери и его активы уменьшились не менее чем на пятнадцать процентов.

Анализ ряда контрактов и сделок, суливших прибыль, но оказавшихся либо сорванными, либо откровенно убыточными, что на первый взгляд объяснялось как бы объективными причинами, настораживал. Усиление прессинга со стороны налоговых и множества других контролирующих госструктур, неожиданно развернувшаяся кампания по скупке акций у частных держателей непонятными фирмами-однодневками еще более тревожили главного финансиста компании. На основе всего этого он делал два очень интересных вывода. Во-первых: если

процесс уменьшения реальных активов будет продолжаться такими же темпами, то не позднее чем через год «Сибвест» вплотную приблизится к банкротству. Второй вывод был еще более занимательным. Утверждалось, что за последними неудачами компании стоит неизвестная структура, которая хочет прибрать нефтяной холдинг г-на Монтурова И.В. к своим грязным и нечестивым рукам. Предлагалось срочно собрать внеочередной совет директоров компании для выработки путей выхода из сложившейся ситуации, оценивающейся как критическая.

Финансовое состояние «Сибвеста» менее всего заботило Вадима и коллег, однако Серов, заинтересовавшись докладной, удалился на диван и очень скоро выдал неожиданную и в принципе реальную версию. Они изначально отталкивались от того, что дискета нужна самому Монтурову или же лицам, фигурирующим в материалах, содержащихся в ней, для того, чтобы уничтожить компромат. А вдруг данная информация необходима не им, а той таинственной структуре, планирующей захват «Сибвеста», чтобы получить дополнительный рычаг воздействия на строптивых владельцев компании? Такую возможность нельзя было сбрасывать со счетов.

Однако в этом случае задача «Пленэра» резко усложнялась.

Уж если Монах со своей службой безопасности не знает, кто работает против него, то им за столь ограниченное время, отмеренное шантажистами, сомнительно, что удастся выйти на темную лошадку. И в общем-то это были только предположения финансового директора, и возможно, он так пытался прикрыть свои упущения в работе – эдакая страшилка для шефа.

Сергей-Мао досадливо поморщился.

– Считаем это третьим клубком, который нам, возможно, придется разматывать. Коля! – обратился он к Серову. – Это твоя работа. Попробуй прокачать данную версию, может быть, действительно удастся выйти на таинственных недругов господина Монтурова.

Он взял в руки густо исчерченный листок бумаги, еще раз внимательно его изучил и подозвал к себе Вадима, Самсона и Доктора.

– Итак, распределяем направления деятельности. Вадим и Толя выходят на Монтурова, как на наиболее перспективную фигуру. Ты уточнил, где сейчас находится Монах? – обратился он к Самсону. – Отлично! Я и Андрей занимаемся ниточкой, тянущейся из Генпрокуратуры. Там необходимо прокачать как минимум две фигуры на возможность утечки информации. Один – начальник отдела, которому в пылу беседы Надежда сообщила о существовании дискеты, второй – ее коллега, нам пока неизвестный, видевший процесс перекачки информации, так как шантажист подробно описал, как и когда это происходило. Коля, мы уже решили, занимается «темной лошадкой». Даю пятнадцать минут на уточнение необходимых для работы сил и средств.

Самсон, привлекая внимание, махнул листами с компьютерной распечаткой.

– Я считаю, что нам надо перегруппироваться. Андрей на ближайшие сутки будет необходим на акции с Монтуровым, которая усложняется, зато и увеличиваются шансы на успех. Будут нужны его профессиональные навыки.

– Что произошло? – спросил Вадим.

– Компания «Сибвест» проводит внеочередное собрание совета директоров, вероятно связанное с той секретной докладной. На нем присутствуют многие из интересующих нас лиц. Вот список приглашенных и перечень обсуждаемых вопросов. Семен только сейчас вытащил эту информацию. Собрание началось сегодня и продолжится завтра, в воскресенье.

– Где оно проходит? В Москве?

– Нет. Сначала его планировали провести в центральном офисе в Октябрьске, что в Тюменской области, однако перенесли под Самару, в пансионат, принадлежащий «Сибвесту». Это где-то в Жигулях.

– Кто из интересующих нас людей там находится?

– Сам Монтуров, оба его заместителя, Линев – бывший вице-премьер, а ныне председатель совета директоров...

– Стоп! А кто же тогда Монтуров?

– Генеральный директор. Председатель совета – один из акционеров, а непосредственный руководитель компании – Монах.

– Понял, продолжай...

– Яснев – депутат Госдумы, кстати, посетивший Сьерра-Марино вместе с младшим братом Монголом, которого завалил Вадим. Кравченко – бывший замминистра топлива и энергетики, господин Ермишин – гендиректор нефтеперерабатывающего комбината, крупнейшего в России и входящего в нефтяной холдинг. Остальные рангом ниже, но практически все находятся в зоне нашего внимания. Всего же интересующих нас лиц двенадцать человек.

– Плюс охранники, референты, водители, обслуживающий персонал пансионата... – начал вслух прикидывать Вадим. – Итого наберется человек шестьдесят, не меньше. Точное месторасположение не определили?

– Семен сейчас этим занимается.

– Какое расстояние от Москвы до Самары?

– Порядка тысячи километров, трасса М 5, – на память выдал Самсон.

– Если поспешим, часам к двум ночи доберемся. Дорога вроде неплохая, «челябинка». Кого нам в помощь даешь? – обратился Вадим к Сергею.

– Группа Терехина находится в отделе в полной готовности. Дед их с утра вызвал, посадил на казарменное положение.

– Отлично. Я с ними работал. Толя, давай команду на выезд. Пускай выходят двумя джипами. Экипировка для штурма, хотя постараемся обойтись без него. Для нас пусть захватят оружие и снаряжение. Встречаемся с ними через пятьдесят минут сразу за Кольцевой на Рязанской трассе. Пускай на всякий случай подготовят на автомобили самарские госномера. Электронное оборудование, спецтехника, Толя, по твоей части. Определи сам, что им необходимо взять с собой. Пускай обязательно загрузят приборы ночного видения, а еще лучше – шлемы-«киборги», возможно, начнем работу с ходу, еще до рассвета. Андрей, теперь по твоей предстоящей деятельности. Ты уже понял,

что качать придется порядка двенадцати человек в короткие сроки. Поэтому препараты выбери посильнее, не мне тебя учить, какие. Дай команду Терехину, чтобы он их забрал. Мы с Семеном займемся подготовкой крок-маршрута, уточним местонахождение пансионата и попробуем вытащить данные по его архитектуре и окрестностям. Выезжаем на санитарной «Газели» через двадцать минут. Красные кресты у нее, надеюсь, не намертво нанесены, отклеиваются? Принялись за работу!

Два нагруженных оружием и снаряжением «Ниссан Патрола» легко бежали по трассе. Двигатели в двести «лошадей» спокойно, без особой натуги держали крейсерскую скорость сто шестьдесят километров в час, хотя можно было гнать и побыстрее. Лихачить на российской трассе, гордо соединявшей Европу с Азией, в ночь с субботы на воскресенье было чревато встречей с диким евразийским индивидуумом, возвращающимся на автопилоте из соседнего села от любимой тещи, поэтому шли на гарантированно безопасном режиме. Кроме того, пансионат «Волжские просторы», к которому они стремились, находился в Самарской Луке по направлению к населенному пункту, носящему славное имя Богатырь, что приятно сокращало их путешествие примерно на сто километров.

«Газель» с Доктором и двумя ребятами из группы Терехина, не уместившимися в джипы, безнадежно отстала сразу, как они отъехали от Москвы. Это было запланировано. На первом этапе операции Андрей был не нужен. Ему определили точку встречи в районе Жигулевска за поворотом в Самарскую Луку на Богатырь, куда он должен был прибыть не позднее трех часов ночи, и оставили тянуться в кильватере.

Самсон на прощание вручил Доктору настроенную радиостанцию и, хлопнув по плечу, дал последний наказ:

– Будет трудно – звони. Присваиваем тебе звучный позывной «Пирамидон». Так и телеграфируй в случае опасности: «Я Пирамидон, срочно спасайте!»

Андрей презрительно оглядел улыбающегося Самсона с головы до пят и, хмыкнув, процедил сквозь зубы:

– Раз предлагаешь работать по медицинской тематике, ежели мне станет невтерпеж, буду вызывать тебя по позывному «Геморрой». Устраивает?

На этом друзья и расстались. Запланированную остановку сделали в Пензе у переговорного пункта. Вадим спиной прикрыл стекло тесной телефонной кабинки, героически загораживая собой Самсона, раскрывшего на маленьком столике дипломат с ноутбуком. Толя быстро подсоединил заранее подготовленные игольчатые выводы компьютера к телефонным проводам. Потом, набрав номер, уточняя обстановку, перекинулся парой фраз с Мао и за пару минут через модем скачал на жесткий диск информацию, подготовленную Семеном.

Уже в машине они просмотрели полученные данные, которые ничего нового, за исключением изображений почти всех будущих клиентов, находящихся сейчас в пансионате, не дали. Самсон подсоединил к ноутбуку портативный принтер и, распечатав фотографии, пустил их по кругу для изучения. На ближайшей остановке такой же комплект отправился во второй джип.

Ровно в час ночи они ушли с «челябинки» на шоссе к Богатырю, а через несколько километров свернули с него в распадок между холмами на узкую асфальтированную дорогу, ведущую к пансионату. Через пятнадцать минут машины остановились на перекрестке в полутора километрах от цели. Вадим с Самсоном, отдав группе распоряжение экипироваться, подсвечивая фонарями, осмотрели проселочные дорожки, уходящие от асфальта: левая – съезд вниз к поблескивающей лунными блестками Волге, правая – крутой подъем в гору. Найдя удобное место для стоянки, перегнали туда один «Ниссан», а второй после разгрузки отправили встречать Доктора «со товарищи».

Сверив часы и уточнив несущественные мелкие детали, надвинув на глаза окуляры ночников, разошлись по двое в разных направлениях. Каждой двойке задача была определена еще в дороге, поэтому дополнительных пояснений не требовалось. Вопросов также не последовало, все было обговорено заранее. Правда, это «все» касалось лишь первого рекогносцировочного этапа. В условиях, когда объект изучен только на бумаге и нет никаких данных ни о сигнализации, ни об охране и ее вооружении, когда количество людей, населяющих пансионат, прикидывается на глазок, «с ветру», ход акции предусмотреть и спланировать заранее было невозможно.

Пансионат – трехэтажное здание, построенное в виде буквы П, располагался в ложине между двумя горами, выходя фасадом на Волгу. Два крыла, вынесенные к откосу, вместе с частоколом металлической ограды образовывали уютный дворик с большой клумбой посередине. Он был ярко освещен прожекторами, в

отличие от тыльной стороны, где вдоль высокого бетонного забора торчали редкие фонари. Отличительная особенность: с плоской крыши пансионата, от бетонного куба лифта круто вниз к Волге, пропадая за кронами деревьев, тянулись тросы фуникулера, маленькая кабинка которого висела над карнизом. Слева от здания, ближе к тому месту, где залег Вадим, стояла пара бревенчатых одноэтажных строений – хозпостроек или жилья для обслуживающего персонала. Рядом с этими избами на площадке выстроился длинный строй легковых автомобилей.

Таблетка крохотного динамика, вставленная в ушную раковину, заработала. Пошли доклады: «Второй на позиции», «Третий занял, готов к работе...». Послышался голос Самсона: «Четвертый на связи, позицию занял. Готовлюсь сканировать наружную сигнализацию».

Через некоторое время он доложил:

– Тыльная и боковая части забора внутри защищены пассивными фотодиодными элементами. Полоса сплошная, высота порядка полутора метров. Согласно идентификации оборудование типа «Скутер». Образец не новый, но надежный. Живой силы в секторе не замечено.

– Второй, доложите, что у вас, – негромко произнес Вадим в соломинку ларингофона, торчащего у губ.

– Я Второй. Подъездная дорога заканчивается у ворот. Ограда частая металлическая. Сигнализация не сканируется. В стеклянной будке охранник, по виду не ВОХР, серьезнее. Наблюдаю фойе, в нем два человека: один за стойкой, второй в кресле, смотрит телевизор. По виду всем лет по двадцать пять-тридцать. Оружия не вижу, однако охранники одеты в пиджаки – возможны пистолеты в наплечниках. Справа и слева на уровне второго этажа телекамеры слежения. По расположению объективов они захватывают весь двор. Свет горит только на первом этаже в фойе и комнате, примыкающей к нему. Второй доклад закончил.

– Третий, доложите обстановку, – вызвал Вадим группу, занявшую позицию с противоположной от него стороны.

– Я Третий. Забор глухой, не менее двух с половиной метров. Свет в окнах не горит. Охраны и камер не наблюдаю, сигнализация сканируется по типу «Скутера», – последовал короткий доклад Третьего.

Вадим отвел окуляры ночника и посмотрел на светящийся циферблат часов: двадцать пять минут третьего. Он поднял глаза вверх и внимательно оглядел небо. Оно еще было темным, однако прямо впереди, за Волгой, самый край горизонта уже начинал отливать серостью, отделяя ночь от утра.

«Спи, ночь в июле только шесть часов...» – вспомнил Вадим популярную когда-то песню и с сожалением констатировал: – Жаль, что так скудно, пара лишних часов темноты сейчас бы не помешала».

План дальнейшей работы стал потихоньку складываться в его голове.

– Третий, Четвертый, – вызвал он группы на связь. – Доложите возможность проникновения в периметр.

– Я Четвертый, – отозвался Самсон и коротко доложил: – Нахожусь на склоне, есть возможность построить «мост».

– Я Третий, с моей стороны проникновение затруднено, – слышался голос Терехина.

– Внимание всем! Второй, остаешься на месте, включаешься в работу по обстановке, в случае необходимости. Возьми также под наблюдение мой сектор. Держи связь с Доктором, как он появится, сообщишь. Партнера срочно отправляй на позицию к Четвертому – он останется держать «мост». Четвертый, приступай к строительству. Третий, срочно перемещайся к Четвертому.

Вадим легонько ударил по плечу лежащего рядом напарника Славу, и они бесшумно двинулись между деревьями к позиции Самсона, которая располагалась на склоне горы в тыльной части пансионата. Поднимаясь по косогору, Вадим слышал над собой негромкий хлопок и повернул голову в сторону здания. В тусклом свете фонарей над забором летучей мышью мелькнула тень. С коротким хлопком острый титановый гарпун, влекущий за собой тонкий стальной леер, вонзился в кирпичную стену пансионата.

Вадим со Славой добрались до позиции Самсона одновременно с подошедшей двойкой Терехина, когда строительство «моста» было закончено и туго натянутый канат надежно закреплен за ствол дерева.

– Идем вшестером. Слава, дожидаясь напарника Второго и догоняешь нас, – не снимая шлема, по связи стал выкладывать диспозицию Вадим. – Сразу после переброски уходим на крышу пансионата и перестраиваем «мост» в обратный наклон для эвакуации. Начинаем работать сверху. Судя по фуникулеру, там есть вход в здание – одной проблемой меньше. Первыми идем я и Самсон. Наша с ним задача взять «языка» для определения местонахождения интересующих лиц. После этого, по команде, остальные присоединяются к нам. Работаем тихо, по возможности без крови. Вяжем и транспортируем на крышу. Пока мы с Толей внутри, подготовьте люльку для клиентов. Все понятно? Тогда погнали. Слава, наблюдай за обстановкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/stepanychev_viktor/terminator-iz-glubinki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)